Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ СССР

№ 51 (1543). Год издания XXIII | Среда, 24 июня 1953 года | Цена 45 коп.

Советский народ — строитель коммунизма

Нерушимо тесное единение Коммунистической партии, правительства и советского народа, дружной братской семьи всех народов Советского Союза, победным путем идущих к торжеству идей коммунизма. С каждым днем все выше и выше поднимаются леса великой стройки коммунистического общества, величественного здания коммунизма, сооружаемого советским народом по планам гениального зодчего—партии коммунистов. Советские люди строят коммунизм, опираясь на победы, уже достигнутые ими во всех областях социалистического строительства, и уверенно устремляясь вперед, к новым победам, к новым великим свершениям.

Народ нашей страны всегда играл выдающуюся роль в истории. Он по праву стяжал себе звание великого народа. Он много раз выносил на своих плечах тяжесть битв и сражений с врагами, которые угрожали не только ему и его Родине, но и другим народам Европы, народам мира. Однако с тех пор как во главе трудящихся нашей страны встала марксистско-ленинская партия, силы народа неизмеримо возросли. Возглавляемый мудрой революционной партией, Коммунистической партией, советский народ совершил великие исторические деяния, принесшие ему заслуженную славу народа-героя, народа-созидателя, идущего в авангарде всего прогрессивного человечества.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла перед советским народом широкие, светлые перспективы творчества и созидания, умножила могучие силы народа, направив их на ликвидацию вековой технико-экономической отсталости нашей страны, на строительство новой, социалистической экономики, новой, социалистической культуры. Советский общественный и государственный строй стал источником неиссякаемой творческой энергии, все время растущей активности миллионов и миллионов трудящихся Советского Союза.

Враги социализма, враги трудящихся злобным шипением встретили выход нашего народа на арену самостоятельного исторического творчества. Изо всех капиталистических подворотен неслись кликушеские вопли идеологов эксплуататорских классов о том, будто трудящиеся массы не способны на расчищенной ими от капиталистической скверны земле строить новый мир, новую жизнь. Но советские люди не испугались новоявленных кликуш, не остановились в своем движении вперед, по пути, на который встали они в результате Октябрьской победы. Коммунистическая партия воспитала у трудящихся веру в свои силы, сознание своей исторической миссии. Организованность, сплоченность, сознательность авангарда трудящихся, направляющей и руководящей силы советского общества — Коммунистической партии неизмеримо усилили преобразующую роль нашего народа в общественном развитии, в построении социализма.

Враги потерпели крах. Не оправдались их надежды. Уже в первые годы советской эпохи несомненные успехи социализма в СССР продемонстрировали перед всем миром, что освобожденный от пут капитализма советский народ может с успехом управлять своей страной без буржуазии и против буржуазии, что он может с успехом строить экономику и культуру и руководить всем народным хозяйством без буржуазии и против буржуазии, что он может с успехом строить социализм, несмотря на капиталистическое окружение.

Умножив и закалив силы народа в борьбе с врагами, в борьбе с трудностями, Коммунистическая партия достигла того, что Советская страна в исторически кратчайший срок — в течение тринадцати лет! — претворила в жизнь разработанную партией гигантскую программу индустриализации, осуществила переход от буржуазного индивидуально-крестьянского строя к социалистическому, колхозному строю. Социализм победил в нашей стране во всех областях, во всех сферах экономики и культуры. Это был триумф политики Коммунистической партии Советского Союза, триумф мудрости Коммунистической партии, огромного опыта ее коллективного руководства, воплощенного во всей деятельности Центрального Комитета партии.

Великие плоды победы социализма — могущество отечественной индустрии и нерушимая крепость колхозной деревни, морально-политическое единство советского общества и дружба советских народов, животворный советский патриотизм, ставший источником ратных подвигов нашего народа на фронтах и трудового героизма в тылу, руководящая и организаторская деятельность Коммунистической партии — все это позволило Советскому Союзу в годы Отечественной войны отстоять честь, свободу и независимость социалистической державы.

Победа социализма сделала непобедимой нашу Родину, вооружила наш народ для отпора любому агрессору. Победа социализма открыла нам путь к практическому осуществлению новых, еще более величественных задач — путь к коммунизму.

Коммунизм возникает как результат сознательного творчества многомиллионных масс трудящихся. Опыт советского тридцатипятилетия показал, что благодаря руководящей и направляющей деятельности Коммунистической партии советский народ стал активным и сознательным творцом своей жизни, он способен решить великую, всемирно-историческую задачу построения коммунистического общества в нашей стране. В этом убеждают нас и замечательные результаты творческого труда советского народа в годы послевоенного мирного строительства. Этот труд позволил нам не только ликвидировать тяжелейшие последствия самой жестокой и самой тяжелой из всех войн, когда-либо пережитых в истории нашей Родины. Этот труд уже принес нашей Родине приближение коммунистического завтра, он позволяет нам день ото дня все больше и больше ощущать свет и тепло солнца коммунизма.

Советские люди уверены в победе коммунизма. Их ведет вперед, вдохновляя и направляя на достижение заветной цели, железная и закаленная, пользующаяся доверием всего, что есть честного в рабочем классе, в народе, великая Коммунистическая партия Советского Союза — знаменосец и организатор всех наших побед.

Коммунистическая партия Советского Союза — подлинно народная партия. Она сильна своими крепчайшими, нерушимыми связями с массами трудящихся: она умеет не только учить массы, но и учиться у масс, вести их вперед. Коммунистическая партия Советского Союза воплощает в себе все, что есть великого и героического в рабочем классе, в нашем народе. Во всей своей деятельности Коммунистическая партия руководствуется передовой революционной марксистско-ленинской теорией, дающей партии ясность цели, уверенность в победе, умение ориентироваться в любой обстановке и прокладывать новые пути в истории. Опираясь на эту теорию, Коммунистическая партия на каждом историческом этапе вырабатывает правильную, научно обоснованную политику, отражающую потребности развития материальной жизни общества.

Мудрая политика Коммунистической партии является непоколебимой основой нашей уверенности в победе. Существо политики Коммунистической партии, изложенной в выступлениях товарищей Г. М. Маленкова, Л. П. Берия и В. М. Молотова, заключается в том, чтобы обеспечить все необходимые условия для еще более успешного строительства коммунизма в Советской стране, проявлять неослабную заботу о благе трудящихся, о безопасности нашей Родины, дальше укреплять наше социалистическое государство, последовательно отстаивать дело сохранения и укрепления всеобщего мира. Забота о благе советского человека, о процветании советского народа —высший закон для нашей партии!

Проникнутый глубоким доверием к родной Коммунистической партии и Советскому правительству, наш народ строит коммунистическое общество. Советские люди знают: могущество Отчизны является основой основ свободной и радостной жизни нашего народа. Чем крепче будет наша Родина, тем ярче, содержательнее будет наша жизнь, тем ближе день торжества коммунизма. Советские люди не пожалеют своих сил для того, чтобы как можно быстрее претворить в жизнь программу великих работ, намеченную в решениях исторического XIX съезда Коммунистической партии, успешно выполнить пятый пятилетний план развития СССР.

Советский народ уверен: ведомый Коммунистической партией, он построит коммунистическое общество!

Будни в парке...

Переступив порог калитки, ведущей в парк, посетитель останавливается, приятно изумленный открывшимся перед ним видом. Его взор радуют и затейливые узоры на цветочных клумбах, и густая зелень деревьев, и пруд, по зеркальной глади которого можно совершать на лодке увлекательные прогулки. Посетитель, впервые попавший в этот чудесный уголок зеленого царства, и не подозревал, что на Красной Пресне уже не первый год существует такой живописный парк, созданный для культурного отдыха жителей одного из крупнейших районов столицы.

Покинув площадку, с которой начинается обзор парка, посетитель направляется к одной из его аллей и сразу же вынужден повернуть обратно: перед ним то и дело возникают неожиданные препятствия в виде развороченных дорог, на которых грязные лужи перемежаются с буграми недавно навлеченной земли. То — следы продолжающегося еще сейчас, в двадцатых числах июня, капитального ремонта, который следовало бы закончить давно, к открытию летнего сезона. Ремонт в полном разгаре, и это в немалой степени нарушает нормальную деятельность парка. Какой же это отдых, если значительная часть территории недоступна для гулянья?!

Посетитель забывает о первых впечатлениях, испытанных им при входе в парк, — их сменяет чувство досады...

Семь часов вечера. Но в парке пусто. Час тому назад в лектории парка должна была начаться консультация на тему «Шагающий экскаватор», — кроме консультанта здесь ни души. В Зеленом театре, рассчитанном на тысячу с лишним мест, назначена лекция «Товарищество и дружба», — и тут собралось всего человек десять. На веранде должен играть духовой оркестр, — он почему-то не явился. На «площадке массового поля», если верить объявленной администрацией парка программе, с шести часов намечались «массовые игры, шарады, викторины, показ и разучивание новых бальных танцев». Пробило восемь часов, но массовику, уныло беседующему с гармонистом, нечего делать: нет публики.

Что за причина? Почему так плохо посещается парк такого населенного, богатого предприятиями района, как Красная Пресня?

Эти вопросы мы задали директору парка тов. Цареградцевой, но она не сумела на них ответить. А между тем «ларчик просто открывается». Все дело в том, что администрация парка работает изолированно от общественности, не установила контакта с предприятиями, учреждениями, учебными заведениями района, не знает духовных запросов людей, которых парк призван обслуживать.

Мы беседовали с несколькими молодыми работницами Трехгорной мануфактуры и выяснили, что, только придя в парк, они узнали о предстоящей лекции, посвященной вопросам товарищества и дружбы. Узнали, к своему сожалению, тогда, когда лектор (удовольствовавшийся малочисленной аудиторией) уже «закруглялся». А ведь как волнует нашу молодежь эта тема!

Обещанный концерт художественной самодеятельности состоялся, но разве мог он полностью удовлетворить зрителей? Такие концерты часто здесь организуются, — они не требуют денежных затрат и вполне поэтому устраивают дирекцию парка. Но разве нельзя было пригласить профессиональных артистов? Можно, конечно, если бы дирекция знала, что интересует посетителей, и если бы она в первую очередь думала об их интересах, а не о формальном выполнении своего плана, составленного, кстати, без глубокого знания тех требований, которые предъявляются паркам культуры и отдыха.

Нет, не знают работники Краснопресненского парка культурных запросов населения, не изучают их. Вывесили несколько плакатов и аншлагов и решили, что проделали какую-то «массовую работу». В отрыве от жизни разрабатывают «культурные мероприятия» и сами не убеждены в их полезности. Вот почему парк, у которого есть все возможности завоевать себе популярность, влачит жалкое существование.

Директор парка тов. Цареградцева жалуется, что в руководимом ею коллективе (сто тридцать человек!) мало, очень мало опытных, культурных работников. Сама она здесь тоже новый человек, следовательно, говорит она, ей нужна помощь. С этим можно согласиться, — помогать парку нужно. Но и тов. Цареградцева, и весь возглавляемый ею коллектив должны проявлять собственную инициативу. А ведь они даже не переносят в свой парк тот положительный опыт, который накоплен в других районах столицы. В Краснопресненском парке весьма редко устраиваются вечера, посвященные вопросам искусства, творчеству того или иного советского писателя, артиста, композитора, художника. Здесь нет ни одного аттракциона. Даже читальня закрывается в девять часов, хотя именно в это время обычно усиливается приток посетителей.

Концерт художественной самодеятельности окончился, как использовать оставшиеся до закрытия парка часы? Читальня на замке, кино не работает, по аллеям ходить небезопасно — споткнешься об ухабы. Остается «площадка массового поля». И вот столпилась группа молодежи возле эстрады, где массовик тщетно пытается соблазнить посетителей коллективным разучиванием песен. Делает он это скучно, неумело, без выдумки, поэтому поет только он один, наводя скуку на всех собравшихся. И молодежь расходится...

* * *

Невесело бывает в Измайловском парке. Сюда ежедневно приходят тысячи строителей, метростроевцев, учащихся школ ФЗО не только Сталинского, но и других районов Москвы. Все они хотят культурно провести досуг, но, к сожалению, не могут осуществить это желание.

Чем может порадовать парк своих посетителей? В основном лишь танцами, играми да катанием на карусели. Есть здесь, правда, и лодочная станция, но к ней обычно выстраивается столь длинная очередь, что отдых скоро сменяется усталостью ожидания.

Есть в парке и спортивные площадки, и даже шахматно-шашечный павильон. Но на этих площадках весь день проходят либо соревнования отдельных команд, либо тренировки спортсменов. Посетителям же предоставляется скромная роль «болельщиков».

То же и с шахматно-шашечным павильоном. Он представляет собой небольшую будку с несколькими стульями и столиками. Накурено, насорено... Несколько постоянных игроков, забрав шахматные доски, играют. Десятки же людей вынуждены стоять... и наблюдать. Им не на чем играть, негде даже сесть.

Есть в парке две выставки: одна организована Центральным домом техники и называется «Новое в технике железнодорожного транспорта», вторая — Центральным домом авиации и ПВО имени Фрунзе. Обе имеют буквально по пять-шесть экспонатов, притом весьма неинтересных. Неудивительно поэтому, что посещают выставки десять-пятнадцать человек в день.

Основным средством развлечения для молодежи служат в парке танцы и игры. Мы, разумеется, не против танцев, но наряду с ними должны быть и другие формы культурно-массовой работы. В Измайловском же парке этим формам уделяется очень мало внимания.

Не привлекает большого числа отдыхающих и Зеленый театр. На его сцене ежедневно выступают бригады артистов. Но не часто можно здесь видеть полноценную программу, полноценное выступление того или иного творческого коллектива. Зато эстрада порой предоставляется иным халтурщикам. Все это происходит потому, что администрация парка без разбора принимает любую эстрадную бригаду.

Очень слабо работает лекторий. Лекции организуются бесплановo: приглашаются свободные лекторы из Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний или из городского лекционного бюро, и то, что они предлагают, механически одобряется администрацией парка. Порой объявленные лекции и вовсе отменяются. Если бы администрация парка по-настоящему интересовалась нуждами и запросами отдыхающих, то и тематика лекций и их периодичность были бы иными. В парке систематически выступали бы не только штатные лекторы, но и передовики промышленности, транспорта, стахановцы, которые рассказали бы о новых методах труда, об опыте своей работы.

Редко в парке выступают коллективы художественной самодеятельности предприятий и учебных заведений Сталинского района, а также других районов Москвы. Совсем не используются такие формы работы, как викторины, вечера вопросов и ответов, концерты-загадки.

* * *

Много еще изъянов в работе наших парков. Но летний сезон только начался, и их руководители имеют все возможности, чтобы создать наилучшие условия для культурного отдыха трудящихся. Для этого в первую очередь надо мобилизовать инициативу, выдумку и объявить беспощадную борьбу с казенщиной, скукой, формализмом.

И. ВЕРХОВЦЕВ.
С. ЗАГОРУЙКО.

„Пражская весна 1953 года"

...Площадь, на которую выходит фасад здания Пражского дома работников искусств, названа именем знаменитого чешского композитора Сметаны. Эта площадь примыкает к берегу Влтавы. Мост, перекинутый от нее через реку на противоположный берег, носит имя крупнейшего чешского художника Манеса. Тут же, около моста, на набережной, носящей имя другого чешского классика — художника Николаша Алеша, сооружен памятник Манесу. В Доме работников искусств помещаются Чешская филармония, Пражская консерватория и Академия изящных искусств. Здесь имеется прекрасный концертный зал, вмещающий около 1400 зрителей. В этом зале в субботу, 20 июня, состоялись два концерта советских артистов, выступавших в том же составе, что и на концерте в Зале имени Сметаны 17 июня. Каждое выступление советских мастеров сопровождалось бурей аплодисментов.

Оценивая выступления советских исполнителей, газета «Руде право» писала: «Блестящее выступление советских артистов (это уже показали и прежние фестивали) стало традицией, поэтому каждый их концерт ожидается как выдающееся событие в области искусства. Советские артисты снова доказали, какого мастерства достигает музыкальная культура, когда она связана с народом и предано служит ему».

21 июня советские артисты разъехались по городам Чехословакии, где они выступят перед трудящимися.

19 июня в Театре имени Сметаны состоялся спектакль оперы «Галька» Станислава Монюшко. Дирижировал лауреат Государственной премии Польской Народной Республики, директор Познаньского государственного оперного театра В. Бердяев. Спектакль прошел с большим успехом.

В тот же день в Зале имени Сметаны с большим успехом прошел концерт оркестра Чешской филармонии под управлением известного итальянского дирижера Педротти. Солистка Пражского национального театра Марта Красова с исключительным мастерством исполнила в сопровождении оркестра цикл песен Густава Малера.

В субботу, 20 июня, кроме концерта советских артистов, в Зале имени Сметаны состоялось выступление хора моравских учителей, а в парке Вальдштейнского дворца — концерт Карловарского симфонического оркестра под управлением дирижера Вацлава Неймана. Хор моравских учителей отмечает в этом году свой пятидесятилетний юбилей. Несмотря на то, что хор все время был любительским, его исполнение давно уже на уровне профессионального мастерства. Репертуар хора состоит главным образом из произведений чешского композитора Леоша Яначека, положившего на музыку стихи народного поэта Петра Безруча. Программа концерта Карловарского симфонического оркестра разнообразна, она включает произведения Глюка, Бетховена, Фибиха и других композиторов.

В воскресенье, 21 июня, в Зале имени Сметаны состоялся концерт симфонического оркестра Пражского радиокомитета. В концерте приняли участие советский виолончелист Алексей Лазько и Чешский хор под управлением Яна Кюна. Исполнялись симфонические произведения чешского композитора Оттокара Острчила, виолончельный концерт ля-минор Сен-Санса и новая кантата для сопрано, тенора, баритона, смешанного хора и оркестра под названием «Взываю к вам, люди!». Эту кантату создал чешский композитор Иржи Паузр. Ее первая часть—«Проклинаю войну»—написана на слова моравского поэта И. Новака, а вторая — «Поем песню мира» — на текст поэмы лауреата Государственной премии Витезслава Незвала. Музыка поэмы — вклад чешского композитора в дело борьбы за мир.

Интересным был состоявшийся в тот же день концерт Братиславского камерного ансамбля и трех молодых чешских исполнителей из Академии изящных искусств. Братиславский ансамбль исполнил произведения Брамса, Шуберта и словацкого композитора Эжена Сухоня. Молодые исполнители сыграли ряд сочинений Рахманинова и Дворжака.

И. РЯБОВ.

ПРАГА. (По телефону).

Праздники песни

В Красноярске состоялся праздник песни. Утром тысячи трудящихся города направились на Остров отдыха.

Праздник открыл сводный хор Сталинского района, состоящий из двух тысяч человек. Над Енисеем разнеслась песня о Родине. Ее сменила песня о Сибири...

Выступали коллективы художественной самодеятельности фабрики «Спартак», техникума физической культуры, Сибирского лесотехнического института.

Народное гулянье на Острове отдыха продолжалось до позднего вечера.

* * *

Праздник песни состоялся в столице Бурят-Монголии — городе Улан-Удэ. Обширный парк стадиона имени 25-летия Бурят-Монгольской АССР заполнили тысячи трудящихся. Торжественно прозвучали в исполнении сводного хора из пяти тысяч человек Гимн Советского Союза и песня «Мы за мир».

С большой концертной программой выступили коллективы художественной самодеятельности паровозо-вагонного завода, стеклозавода, мясокомбината и другие.

* * *

В город Владимир-Волынский Волынской области на колхозный праздник песни и пляски с утра прибыли десятки празднично украшенных колхозных автомашин и подвод.

Праздник открылся в городском парке культуры и отдыха. Сводный хор в составе 2.500 колхозных певцов исполнил Гимны Советского Союза и Украинской ССР, песню «Партия — наш рулевой». В сопровождении сводных духовых оркестров восемнадцати колхозов 160 танцоров исполнили украинский гопак и другие танцы.

* * *

Праздник песни состоялся в Нижнем Тагиле. В своеобразном амфитеатре на северном склоне Лысой Горы, расположенной на окраине города, собралось свыше 30 тысяч трудящихся. В 12 часов над ними пролетел самолет, разбросавший тысячи листков с программой выступлений, взвились разноцветные ракеты.

Торжественно прозвучал Гимн Советского Союза, исполненный четырехтысячным сводным хором в сопровождении духового оркестра. Затем праздник был перенесен в парки и скверы города, где состоялись массовые гулянья. Здесь выступало свыше 20 лучших художественных коллективов горняков, металлургов, вагоностроителей, железнодорожников.

* * *

Пароходы, катера и паромы еле успевали перевозить горожан на левый берег Волги, где раскинулся обширный парк культуры и отдыха гор. Щербакова. Сюда, под тень столетних сосен, лип и тополей, на праздник песни, музыки и танца собрались десятки тысяч трудящихся.

* * *

Традиционные праздники песни состоялись в Пензе, Вологде и других городах.

АНСАМБЛЬ КАСПИЙСКИХ РЫБАКОВ

Закончилась весенняя путина на Каспийском море. Тысячи тружеников рыбного промысла вернулись в родные села и колхозы. Возвратился с моря в Астрахань и культпароход «И. Сталин». Около двух месяцев он обслуживал рыбаков Северного Каспия.

На культпароходе находилась большая бригада артистов Ансамбля песни и пляски рыбаков. Другая бригада выступала перед колхозниками, промышляющими рыбу в дельте и многочисленных рукавах Волги.

За время весенней путины Ансамбль песни и пляски, которым руководит заслуженный деятель искусств Латвийской ССР Я. Абрамис, дал перед рыбаками-колхозниками и рабочими предприятий Каспийского бассейна более 120 концертов. В его репертуаре — песни и пляски народов СССР и стран народной демократии.

На днях ансамбль отправился в гастрольную поездку по рыбацким селам и районным центрам Астраханской области.

В. АЛЕКСАНОВ.
Литсотрудник бассейновой газеты «За стахановский лов».
АСТРАХАНЬ.

Молодые кадры художественной интеллигенции

БАКУ. (Наш корр.). Исполнительский и теоретико-композиторский факультеты Азербайджанской консерватории имени Гаджибекова оканчивает в этом году 58 человек.

Выпускники-композиторы в качестве своих дипломных работ написали оригинальные симфонические произведения. Симфония Р. Гаджиева (класс проф. К. Караева) посвящена советской молодежи. А. Гусейн-заде создал кантату «Голос мира», Г. Рзаев — симфонию «Бабек» (класс проф. Б. Зейдман), Х. Джафаров — симфоническую поэму «Над Ленинградом» (класс Д. Гаджиева).

Дипломантка Р. Фахралова написала интересную работу на тему «Образы Низами в творчестве азербайджанских композиторов», Е. Датадзе — «Историко-стилистический анализ оперы Монюшко «Галька».

* * *

Азербайджанский государственный театральный институт выпускает театроведов, актеров, режиссеров.

На государственных экзаменах отличную оценку получили Г. Расулов за работу «Д. Джабарлы как режиссер и театральный критик», А. Искандерова — «Образы вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина на сцене Азербайджанского драматического театра имени Азизбекова», А. Самедов — «Трагедии Шекспира на сцене Азербайджанского театра имени Азизбекова».

Выпускники режиссерского факультета в качестве дипломных работ самостоятельно поставили несколько спектаклей.

* * *

В Азербайджанском государственном художественном училище имени Азим-заде в этом году предстоит очередной, тридцатый, выпуск молодых художников и скульпторов. По живописно-педагогическому отделению училище оканчивает 25 человек, по скульптурному — 7 и декоративно-прикладному — 2.

* * *

Шесть выпускников Государственного хореографического училища направляются в Театр оперы и балета имени Ахундова.

Опера „Декабристы" на сцене Большого театра

Большой театр Союза ССР показал свою новую работу — оперу композитора Ю. Шапорина (либретто Вс. Рождественского по мотивам А. Толстого) «Декабристы». В опере 4 действия и 10 картин: «В имении Щепиной-Ростовской», «На почтовом тракте», «Ярмарка», «У Рылеева», «В Зимнем дворце», «Сенатская площадь 14 декабря 1825 года», «Бал-маскарад», «Каземат», «Петропавловская крепость», «По Сибирской дороге».

Дирижер спектакля А. Мелик-Пашаев, постановщик Н. Охлопков, художники А. Петрицкий и Т. Старженецкая, балетмейстер Л. Лавровский, главный хормейстер М. Шорин, хормейстеры А. Рыбнов, А. Хазанов, режиссеры-ассистенты Н. Гдан и А. Кожевников, заведующий постановочной частью А. Прокофьев.

Как известно, показу этого спектакля предшествовала значительная работа композитора, либреттиста и коллектива театра над произведением. Помимо углубления сценической редакции спектакля и внесения отдельных изменений в развитие сюжета, главное внимание авторов и постановщиков спектакля было обращено на устранение коренного недостатка предыдущей редакции оперы, заключавшегося в отсутствии образа Пестеля — важнейшего представителя декабристского движения. Сейчас этот недостаток устранен. Либреттистом и композитором написана партия Пестеля. Она потребовала соответствующего изменения первой картины оперы и написания добавочной — «Каземат», в которой показана встреча Рылеева и Пестеля перед казнью декабристов.

Сцена из 1 акта оперы «Декабристы». Пестель (слева) — А. Пирогов, князь Щепин-Ростовский — Г. Большаков. Фото И. Саховского.

В первом спектакле основные роли исполняли: Рылеева — Алексей Иванов, Пестеля — А. Пирогов, Бестужева — И. Петров, Каховского — Г. Нэлепп, князя Трубецкого — П. Селиванов, Якубовича — П. Воловов, князя Щепина-Ростовского — Г. Большаков, княгини Ольги Мироновны, матери Щепина-Ростовского — Е. Вербицкая, Елены, дочери обедневшей помещицы Орловой — Н. Покровская, Марьи Тимофеевны, домоправительницы у княгини Щепиной-Ростовской — Н. Косицына, цыганки Стеши — В. Давыдова, Ростовцева — П. Чекин, Николая I — А. Огнивцев, старого солдата — С. Красовский, Сергеича, солдата инвалидной команды — Н. Щегольков и др.

В отдельных массовых сценах принимает участие свыше 300 исполнителей, в опере заняты, помимо основного состава оркестра, балета, хора и мимического ансамбля Большого театра, также хор и мимический ансамбль филиала Большого театра.

ПО РОСТОВУ И ОБЛАСТИ

Молодые работники искусств

Около ста пятидесяти молодых специалистов — музыкантов, живописцев, скульпторов, художественных руководителей самодеятельных коллективов, учителей пения выйдут в этом году из стен художественных учебных заведений Ростова-на-Дону. Заканчиваются экзамены в областном музыкальном училище, в художественном училище, в кинотехникуме. Закончились экзамены в музыкальных школах города, в которых обучается около двух тысяч детей трудящихся. Большинство из них получило хорошие и отличные оценки. Состоялись отчетные выступления учащихся.

Питомцы ростовских художественных учебных заведений поедут в Кемерово и Астрахань, на Сахалин, в Сталинград, в десятки городов, рабочих поселков и станиц нашей Родины.

Поддерживают почин рязанцев

Инициативу Рязанского областного драматического театра поддерживает все большее число творческих коллективов. В гастрольной поездке по Ростовской области сейчас находятся Шахтинский драматический театр и коллектив симфонического оркестра областной филармонии.

В городе Зернограде шахтинцы были тепло встречены студентами и профессорско-преподавательским персоналом Азово-Черноморского института механизации и электрификации сельского хозяйства. На спектакли пришли также агрономы области, съехавшиеся в институт на специальные курсы.

Свои спектакли—«Зыковы», «Машенька», «Вей, ветерок!», «Богатырский сказ» и другие—шахтинцы показали рабочим и служащим зерносовхоза «Гигант», «Целина», конных заводов имени Кирова и Буденного, колхозникам Зимовниковского, Сальского, Мечетинского и других районов. Сейчас Шахтинский театр переехал в северную часть области, после чего он выступит с творческим отчетом в Ростове-на-Дону.

Смотр самодеятельности

Большим певческим праздником завершился на днях областной смотр художественной самодеятельности учебных заведений трудовых резервов, в котором приняло участие свыше трех тысяч молодых исполнителей.

В «День песни» Центральный городской сад имени Горького заполнили тысячи ростовчан. Сводный хор молодых певцов из ремесленных училищ Ростова, Таганрога, Шахт, Новочеркасска, Батайска и других городов области исполнил песни «Партия — наш рулевой», «Песни молодежи», «Марш трудовых резервов», донскую казачью песню «Сторонушка», «Славься» Глинки.

Хоровая группа Областного ансамбля песни и пляски трудовых резервов исполнила хор половецких девушек из оперы Бородина «Князь Игорь». Солистка самодеятельного коллектива Алла Карповская — романс Антониды из оперы Глинки «Иван Сусанин».

Русскую и казачью пляски показали учащиеся ремесленного училища № 1 Ростова и танцевальная группа Областного ансамбля песни и пляски.

Соб. корр. «Советского искусства».

В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОГО ИСКУССТВА

ТБИЛИСИ. (Наш корр.). Закончилась научная сессия Института истории грузинского искусства Академии наук Грузинской ССР, посвященная вопросам изучения советского грузинского искусства. Основной доклад сделал действительный член Академии наук Грузинской ССР профессор Георгий Чубинашвили.

Творчеству заслуженного деятеля искусств Грузинской ССР К. Магалашвили посвятила свое выступление кандидат искусствоведения Т. Вирсаладзе.

Сообщения о научной охране памятников культуры сделал старший научный сотрудник института В. Цинцадзе, о советской фарфоровой скульптуре и об архитектуре главного корпуса Дома правительства Грузинской ССР — старшие научные сотрудники института З. Майсурадзе и Н. Джанберидзе.

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Движение характера

Недавно молодой артист Ленинградского Нового театра Владимир Петров сыграл роль чиновника Бобырева в драматической сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени». Первое появление Бобырева — Петрова — появление веселого, здорового, жизнерадостного человека. Он приехал в столицу из захолустного города, приехал, чтобы получить место. Полный радужных надежд, входит он в приемную своего бывшего однокашника генерала Клаверова и сразу же попадает в страшную бюрократическую машину, становится свидетелем обнаженной пошлости и оголтелого цинизма. Бобырев понимает, что лучше бы уйти ему из этой приемной с официальными зелеными панелями. Понимает, но не уходит. Это первый компромисс из серии компромиссов, которые превращают Бобырева в тень...

Характер Клаверова и других героев пьесы Салтыкова-Щедрина уже сформировался к началу действия; характер Бобырева формируется на наших глазах. Из прекраснодушного либерала и идеалиста он становится пошлым дельцом, «тенью» Клаверова.

Интересны детали, удачно найденные исполнителем совместно с режиссером. Кресло, которое как бы предлагается Бобыреву, занимает Набойкин. Бобырев возмущен, но молчит и только ниже сгибает спину. Очень хочется закурить, но его превосходительству может не понравиться этакое вольнодумство, и Бобырев не закуривает. Ему, очевидно, очень неприятен разговор с Клаверовым о жене, но он, Бобырев, уже многое понял и любезно поддерживает эту тему, даже находя в ней некоторую приятность.

Центральную сцену третьего акта Петров играет как саморазоблачение Бобырева. Зная свой малодушный характер, он с жадностью бросается на вино — только бы поскорее напиться.

Внимательно слушает Бобырев — Петров неинтересный и ненужный ему рассказ Свистикова об охоте. Он не улавливает общий смысл рассказа, а слышит лишь отдельные слова. Тупо глядя на клавиатуру рояля, он одним, плохо слушающимся пальцем выколачивает несложную мелодию песенки и поет:

Мы покорно шею гнули
И не пытались возражать.
Только вы одни дерзнули
Протестовать, протестовать.

И вдруг совершенно пьяным, каким-то тупым голосом заканчивает песню легкомысленным рефреном: тирлим-пом-пом, тирлим-пом-пом, начисто снимающим всякую мысль о возможности какого-либо протеста. Здесь В. Петров поднимается до высот подлинной сатиры.

Так играет Владимир Петров роль Бобырева, играет темпераментно и умно, по-щедрински сгущая краски, по-щедрински разоблачая сущность бобыревского либерализма.

Бобырев —один из последних образов, созданных В. Петровым на сцене. За пять лет работы ему удалось сыграть много самых различных ролей. Среди них были большие и маленькие, интересные и неинтересные, были удачи, были и поражения. Шадрин («Человек с ружьем»), Бобырев, Дон Карлос в трагедии Шиллера, Родион («Вторая любовь») — вот наиболее интересные работы артиста. Характерно, что достигает он успеха лишь в том случае, когда находит путь развития образа, его перспективу.

Большое место в репертуаре В. Петрова занимают образы положительные.

В театре, а еще чаще в кино, бывает так: появился на сцене или экране актер, улыбнулся, произнес несколько слов, и все сидящие в зрительном зале поняли, что человек с такой открытой, обаятельной улыбкой, с такими умными, светящимися юмором глазами не может быть плохим. В этой симпатии и вере, возникающей у зрителей моментально, кроется сила актерского обаяния. И хорошо, когда артист, сразу так расположивший нас к себе, создает образ, в котором обаяние — лишь одна из многочисленных черт характера. Но как часто это обаяние так и остается его единственной характеристикой...

К положительным героям, создаваемым В. Петровым, любовь возникает не с первого взгляда, она приходит лишь в результате нашего общения с ними, в процессе постижения их внутреннего мира, и любовь эта всегда продолжительна.

Именно такой была наша встреча с героем пьесы Н. Погодина «Человек с ружьем». Молодой обросший бородой солдат русской армии Иван Шадрин не сразу вызвал симпатию зрительного зала. Кто этот человек? Куда он пойдет? Найдет ли верную дорогу?

Гнетущее, подавленное настроение у солдат, сидящих в бревенчатом окопе. У полуграмотного крестьянина Ивана Шадрина, одетого в солдатскую шинель, только одно желание — домой. В первой сцене спектакля В. Петров передает охватившую Шадрина безмерную тоску по миру, по земле. Эх, только бы вырваться из этого ада и добраться до дому! Только бы вырваться... И не может себе найти места в обжитом блиндаже солдат Шадрин, тоскуют по труду его большие рабочие руки.

Но вот Шадрин попадает в Питер. Здесь многолетняя мечта о доме и коровенке встречает сопротивление в нем же самом. Сложная борьба происходит в Шадрине — Петрове. С криком истосковавшегося по ласке человека сжимает он в объятиях жену. Кажется, ничто не может их разлучить. Но вот входит Чибисов и зовет его в Смольный. И Шадрин снова берет в руки винтовку, берет нехотя и идет. Идет оглядываясь, идет лишь на часок, идет только посмотреть.

К сцене встречи Шадрина с В. И. Лениным, в которой происходит окончательное становление взглядов «человека с ружьем», Петров приходит внутренне подготовленным. Его Шадрин готовится к этой встрече, читая «Солдатскую Правду» в окопе, реквизируя барский особняк и, наконец, знакомясь с ленинским декретом о земле. Внимательно читает он каждое ленинское слово. Бережно, как будто что-то живое, разглаживает он листовку с декретом, а затем прячет ее, все время проверяя, не выпала ли она, не потерялась ли. В разговоре с Лениным Шадрин раскрывает все колоссальное благородство души русского солдата. Именно здесь он начинает думать не только о себе, а обо всем народе.

Вопреки сложившейся традиции — играть «человека с ружьем» как пожилого крестьянина, умного, внешне простоватого, с лукавством, юмором и хитринкой, — Петров сделал Шадрина молодым. Он предложил свой образ — образ молодого солдата, борющегося не только за счастье своих детей, но и за свою будущую жизнь, за свое счастье. Петров играл не просто крестьянина, а солдата революции, солдата первой в мире армии мира. Отсюда внешняя монументальность Шадрина — Петрова, его осанка русского богатыря. Исполнителю удалось передать мудрость народа, такие качества русского человека, как ум, талант, любознательность. Создавая образ «человека с ружьем», артист подчеркнул в нем желание мира, которое так дорого и близко советскому человеку. И что особенно существенно, В. Петров показал Шадрина в беспрерывном движении и росте его мировоззрения.

Сейчас Владимир Петров фактически прощается со своей актерской молодостью. О нем уже пора перестать говорить как о молодом актере. Начинается новый, большой и самый ответственный для актера и человека период — период зрелости. Мы не сомневаемся в будущих радостных встречах с его героями. И пусть высокая требовательность В. Петрова к себе явится залогом радости этих встреч.

Н. СЕРГЕЕВА.

ЛЕНИНГРАД.

45-летие со дня смерти Римского-Корсакова

21 июня исполнилось 45 лет со дня смерти великого композитора Н. А. Римского-Корсакова.

Римский-Корсаков оставил богатейшее творческое наследие — 15 опер, три симфонии, около ста романсов и хоров, ряд программных симфонических пьес, кантат. По созданным композитором учебникам гармонии и оркестровки учится молодежь не только Советского Союза, но и многих зарубежных стран.

Творческое наследие Римского-Корсакова пользуется всенародной любовью. Его оперы идут на сценах крупнейших оперных театров страны, многие произведения вошли в репертуар музыкальных коллективов и исполнителей.

Музыкальное издательство выпустило только за последние три года произведения композитора общим тиражом свыше трехсот тысяч экземпляров. Вышло из печати 20 томов академического издания полного собрания сочинений Н. А. Римского-Корсакова.

Много ценных документов, рукописей композитора хранится в Центральном музее музыкальной культуры. В отделе звукозаписи находятся записи произведений композитора в исполнении известных певцов и музыкантов советского и дореволюционного периодов. Научные сотрудники музея выступают в клубах и парках культуры и отдыха с лекциями и беседами о жизни и творчестве великого русского композитора.

Московская филармония отмечает памятную дату симфоническими и камерными концертами.

Выставка работ художников-маринистов

РИГА. (Наш корр.). В доме творчества Союза советских художников полтора месяца работали художники-маринисты, съехавшиеся на Рижское взморье из Москвы, Ленинграда, Киева и ряда городов Крыма, Эстонии, Латвии.

На днях в Музее латышского и русского искусства открылась выставка работ, созданных маринистами за это время. Экспозиция состоит почти из 300 больших и малых полотен. Среди них особенно выделяются этюды к портретам рыбаков, написанные киевлянином С. Гуецким, работы костромича А. Яблокова, крымских художников Н. Бортникова и П. Мясникова.

Отдельный зал занимают этюды и картины латышских маринистов. Высоким мастерством отличаются морские пейзажи Э. Калныня, А. Зиедриса и других.

На днях состоялось обсуждение работ художников-маринистов.

Разящая сила смеха

НОВАЯ ВЕНГЕРСКАЯ КИНОКОМЕДИЯ «В ОДНОМ УНИВЕРМАГЕ»

Демонстрирующаяся ныне на экранах Советского Союза новая венгерская кинокомедия «В одном универмаге»* привлекает внимание зрителей по многим причинам. Они и в неослабном интересе советских людей к жизни и достижениям братского народа, уверенно закладывающего основы социализма на своей родине, и в глубоком уважении к молодой, но быстро выросшей и окрепшей венгерской кинематографии, завоевавшей прочную популярность в нашей стране (об этом как нельзя лучше свидетельствовал прошедший недавно с огромным успехом фестиваль кинофильмов Венгерской Народной Республики). Но мы не ошибемся, наверное, если скажем, что одна из главных причин этого внимания — жанр фильма «В одном универмаге». Аншлаг, белеющий над окошком кассы, дружные взрывы смеха в затемненном зале, радостные, оживленные лица людей, выходящих после очередного сеанса из кинотеатра, — все это убедительные показатели успеха рецензируемого фильма.

Тема фильма «В одном универмаге» — честное, социалистическое отношение к труду, к работе в условиях народно-демократического строя, где народ является полновластным хозяином жизни. В центре картины — острый, напряженный конфликт: борьба против спекулятивных элементов, стремящихся подорвать доверие трудящихся к государственной торговле, против паникеров, сеющих панику среди населения, прикрывающих мнимым новаторством свою вредоносную деятельность.

Подлинная жизнь, жизнь со всеми ее сложностями и трудностями, радостями и огорчениями, стояла перед авторами фильма, задумавшими показать в своем произведении ее такой, какая она есть в действительности. Много путей открывалось перед ними, много разных решений подсказывала взятая тема. И самое трудное из них — комедийное решение. Не только потому, что комедия — сложный жанр киноискусства, но и потому, что избранный ими сюжет, органически вытекающий из основного конфликта произведения, на первый взгляд мало подходил для создания комедии. Но сценаристы, режиссеры, актеры смело взялись за комедийное решение конфликта. И взялись не зря. Они сумели увидеть и показать смешное в том сопротивлении, которое оказывает кучка обреченных историей людей железной поступи сплоченного единством цели народа. И это смешное, раскрытое разящими средствами сатиры, и придает картине непоколебимый оптимизм, делает ее действенным оружием в борьбе за торжество новой жизни.

В подобном решении темы была одна опасность — у зрителя могло создаться впечатление легкости борьбы против уходящего, отживающего. Сценаристы, режиссер умело избежали этой опасности. Картина не только не демобилизует, она способствует повышению бдительности трудящихся, укрепляет их уверенность в своих силах, в своей способности довести борьбу до победного конца.

Кадры, рисующие панику в универмаге, — лучшие в фильме. Зло высмеивая спекулянтов, а вместе с ними и легковерных, клюнувших на удочку врага и спешащих избавиться от денег даже ценой покупки абсолютно ненужных вещей, авторы фильма вместе с тем буквально несколькими штрихами подчеркивают спокойствие и уверенность в завтрашнем дне сознательной части трудящихся.

Яркое сатирическое обличение носителей буржуазной морали — отличительная черта фильма «В одном универмаге». Разрушая, развенчивая, высмеивая старое, фильм утверждает новое, поддерживает и пропагандирует его, и, вероятно, поэтому в таком органическом единстве сплелись в нем сатира и юмор, взаимно дополняющие друг друга и обогащающие тем самым это интересное произведение киноискусства.

Со многими хорошими, преданными родине людьми знакомимся мы в фильме. Это и директор Кочиш (артист М. Габор), непримиримый к недостаткам, резко выступающий против пренебрежительного, формального отношения к интересам трудящихся, и Илонка (артистка Ж. Петреш), модельер дамского платья, привлекательная в своей непосредственности и горячности, и экспансивный заведующий секцией Даниал, роль которого с подлинным комедийным блеском ведет К. Латабар, и влюбленный в свое дело бухгалтер Глаузиус, чей образ, созданный К. Фелеки, пожалуй, лучшая актерская работа в фильме. Много тепла, подлинной лиричности в образах людей новой Венгрии. Это они — и молодежь и старики — строят свою родину, приумножают своим трудом ее силу и могущество. Это они под руководством партии трудящихся сокрушают врагов, расчищая стране путь вперед.

Не все одинаково хорошо удалось в комедии. В этом повинны и сценаристы (отдельные образы, и в первую очередь образ Кочиша, грешат прямолинейностью и схематизмом, лишены внутреннего развития), и режиссер (из реалистического, подлинно творческого решения фильма выпадают снятые подражательски, очень нарочитые музыкальные сцены), и оператор, у которого из-за неправильного обращения со светом некоторые кадры выглядят плоско, не имеют объема. Можно было бы назвать и другие недочеты картины: слабо увязанные с развитием сюжета массовые сцены на водной станции, излишне затянутый монолог Глаузиуса у кроватки внука и т. д. Но не в этих недочетах суть, хотя они и могли бы быть без труда устранены в процессе создания картины.

Суть в том, что венгерские кинематографисты, плодотворно работающие в комедийном жанре, создали произведение, которое помогает трудящимся в их благородной борьбе за мир и социализм, — произведение радостное и веселое.

Вал. ЛЕДНЕВ.

* «В одном универмаге» — новый венгерский художественный фильм. Сценарий Т. Барабаша, С. Дарваша, Б. Габора, режиссер В. Гертлер, оператор О. Форгач, художник И. Пан, композитор Я. Керекеш. Производство Венгерской государственной киностудии.

Кадр из фильма «В одном универмаге». Слева направо: Кочиш (артист М. Габор), Глаузиус (артист К. Фелеки), Даниал (артист К. Латабар).

Ответственность художника книги

Ответственность художника, работающего в области книжной графики, очень велика. Создаваемые им образы — это герои произведений, которые знают и любят тысячи, а то и миллионы советских людей. Мы, художники, иллюстрируя книгу, помогаем читателю полнее, глубже прочесть произведение литературы, оформляя книгу, делаем ее красивой, радующей глаз.

Особенно почетна и важна роль художника детской книги. Ребенок — читатель доверчивый, но и внимательный и строгий. Для него зрительный образ — это полная и всеобъемлющая правда образа литературного. Если правдивы, убедительны иллюстрации, ребенок идет за художником, верит ему всей душой; если же художник был небрежен в прочтении и иллюстрации литературного текста, ребенок сразу же чувствует фальшь, теряет веру в его произведение, а заодно порой и в самую книгу.

Мы имеем значительные достижения в области оформления детской книги. Доказательством тому служат лучшие работы художников-графиков, экспонируемые на ежегодных выставках. Однако, отмечая успехи, мы не должны закрывать глаза на еще имеющиеся серьезные недостатки.

Знакомясь с внешним оформлением книг, изданных Детгизом, мы не можем не отметить недостаточную декоративность многих переплетов. Скучные цветовые сочетания и однообразно оформительских приемов вызывают у читателя уныние, как только он берет книгу в руки. Правда, ассортимент материалов, имеющихся в распоряжении издательства, очень узок, и это мешает творческой мысли художника развернуться в полную силу. Но все же и художники и их редакторы заслуживают упрека в том, что они мало ищут новые художественные приемы, мало думают о культуре цвета.

Многие неудачи в оформлении переплета определяются стремлением художника дать ему чрезмерную смысловую нагрузку. Бывают случаи, когда от рисунка на переплете требуют раскрытия сюжета всей книги,—требование неверное и невыполнимое. Рисунок на переплете, естественно, должен быть связан с содержанием книги, но его непосредственная и главная цель — лишь в общем охарактеризовать книгу. Переплет должен ясно сказать читателю: это историческая повесть из времен гражданской войны, или стихи о природе, или сказки про зверей и т. д.

Ограниченность технических средств, которыми решается рисунок переплета, а также необходимость сообщить этому рисунку декоративный характер заставляют художника пользоваться цветом в его условном значении. Однако этот совершенно закономерный прием часто вызывает протест со стороны некоторых литературных редакторов, плохо знакомых с законами художественного языка. Такой редактор требует натурального цвета для условного графического изображения.

Равнодушие к декоративному качеству рисунка отражается и на иллюстрациях внутри текста. Очень часто они бывают монотонны, грубы или безразличны по фактуре, исполнены примитивным, тупым мазком или штрихом. Интересные по образам рисунки М. Клячко к рассказам Горького, а также к книге Сабахаттина Али «Малыш Хасан» сильно страдают от небрежности фактуры и грубости штриха. Тот же упрек можно сделать и художнику А. Тарану, злоупотребляющему черным цветом и делающему страницы книги мрачными и тяжелыми.

Недооценка декоративных качеств произведений изобразительного искусства сказывается не только в книжной графике,—с нею мы сталкиваемся и в плакате, и в станковой живописи, и в скульптуре. Как же возникла эта тенденция?

Стремясь вложить в произведение большее идейное содержание, многие художники стали рассматривать идею как нечто самодовлеющее, вне ее органической связи со средствами художественного выражения. Сюжет на какое-то время получил в изобразительном искусстве повышенную роль в ущерб некоторым другим сторонам произведения. Не обладая необходимой для них декоративностью, художественные произведения теряют способность привлекать к себе внимание зрителя, становятся невыразительными.

Однако наряду с недооценкой декоративности мы встречаемся в оформлении детской книги и с пороками противоположного свойства — отклонением от реалистического метода, с тем, что можно назвать «декоративизмом».

Декоративизм проявляется по-разному. В одних случаях он открытый, не маскирующийся; художник здесь явно тяготеет к разработке узора рисунка, а не к раскрытию образов реальной жизни. Таково в значительной степени творчество В. Конашевича. В ряде его работ мы можем наблюдать, как мысль и выражающий ее сюжет становятся для художника поводом к разыгрыванию грациозных, изящных скерцо, в которых ясность мысли приносится в жертву какому-нибудь затейливому украшению. Книги, иллюстрированные талантливой, несомненно обладающей большой художественной фантазией Т. Мавриной, также страдают этим большим недостатком.

Другой вид декоративизма — замаскированный, и потому его не так легко обнаружить. Я имею в виду те случаи, когда художник-иллюстратор заполняет страницы книги изображениями, хотя и соответствующими реальным образам предметов, но бессюжетными, бездейственными, не раскрывающими подлинного содержания текста.

Примеров такого рода декоративизма чрезвычайно много. Не боясь впасть в преувеличение, можно сказать, что этот порок представляет собой одну из самых глубоких и опасных болезней современной книжной графики. Трудно распознаваемая, потому что она скрывается за якобы реалистическим изображением, эта болезнь в большинстве случаев является следствием ленивой мысли художника и непростительной безответственности художественного редактора. Ни в одной из иллюстраций С. Бродского к книге Г. Брянцева «Конец осиного гнезда» мы не найдем отражения мужественной, смертельно опасной борьбы советских патриотов с фашистскими преступниками, диверсантами, борьбы, в которой повествует писатель. Зато нам преподносится галерея портретов отрицательных персонажей, поданных объективистски, без раскрытия их внутренней сущности.

* * *

Книга редко дает художнику готовый сюжет для рисунка. Сюжет здесь должен быть построен на основе литературного текста, но с соблюдением законов изобразительного искусства. Драматический конфликт получает в иллюстрации свое специфическое выражение.

Но идейное содержание художественной иллюстрации не ограничивается содержанием ее сюжета. Автор должен найти и соответствующую художественную форму. Не утруждая себя поисками формы, органичной и наиболее выразительной для данного рисунка, а лишь схематично изобразив сюжет, наподобие того, как это делается в ребусах, иллюстратор сводит на нет всю свою работу: его рисунки не создают зрительных художественных образов, а следовательно, ничем не обогащают литературное произведение, не содействуют его глубокому прочтению.

Зачастую иллюстраторы создают лишь схемы, условно обозначающие человека. Это прежде всего относится к иллюстрированию современной литературы. Как пример можно назвать рисунки А. Голядковской к книге Э. Межелайтис «Кастант-музыкант», где мы не встречаем ни одного конкретного образа живых детей. Не могут удовлетворить нас и образы, случайно выхваченные из жизни. Нередко на страницах книг мелькают портреты родственников художников, может быть, милые и дорогие их сердцам, но далеко не всегда отвечающие общему представлению о внешности героя произведения. С такой портретной галереей родственников мы встречаемся как в книгах, иллюстрированных известными мастерами детской книги, например, А. Пахомовым, так и в многочисленных работах молодых художников, своеобразно понимающих изучение натуры. Не думая об обобщении виденного, об отборе типического, эти художники постепенно сползают к натурализму.

Слепое следование увиденному идет порой по линии заимствования из других произведений, и притом плохих. Затасканные и стертые, как монеты, эти банальные и слащавые образы кочуют из книги в книгу, не возбуждая у читателя ничего, кроме скуки, портя впечатление от литературного произведения. Таковы, например, ремесленные, лишенные вдохновения и поэтичности иллюстрации Л. Смехова к книге А. Алексина «Отряд шагает в ногу». До приторности лакируют действительность иллюстрации Т. Ереминой к книге Е. Трутневой «С добрым утром».

Большое значение для подлинно художественной иллюстрации имеет ее композиция, в которой второстепенные детали должны быть подчинены главному. А нередко оказывается, что основное действие, раскрывающее содержание конфликта, художник «топит» в ненужных подробностях, заслоняет действиями, имеющими второстепенное значение.

Художник А. Резниченко, завоевавший симпатии советского зрителя хорошими иллюстрациями к книге Н. Островского «Как закалялась сталь», сделал рисунки, воспроизведенные в изданной Детгизом книге П. Ангелиной «Люди колхозных полей». Вот, например, иллюстрация, изображающая бригадира тракторной бригады Ангелину за работой в поле. Композиция этой сцены такова: в геометрическом центре рисунка даны в условных позах Паша Ангелина и ее подруга, держащая руль. Между границей лба сидящей за рулем и между плечом Ангелиной просвечивает кусочек поля, представляющий правильный равнобедренный треугольник с вершиной, опрокинутой вниз. В центре основания этого треугольника поставлена маленькая фигурка человека с расставленными ногами. Благодаря полной симметричности треугольника и фигурки этот кусок композиции вырывается из общего плана, притягивает к себе внимание и придает анонимной фигурке какое-то особое смысловое значение.

* * *

За последнее время в книжной графике укоренилось направление, которое условно можно назвать «фотографизмом». Направление это ставит своей целью создание произведений, дающих оптическую иллюзию увиденного. Цель достигается использованием двух основных средств — композиционного приема, основанного на фотографической перспективе (очень крупный план и резкие масштабные изменения в глубину), и разработки особой системы тональных отношений.

Некоторые художники, работающие в такой манере, добились, несомненно, больших успехов. Но созданные ими на основе жизненных наблюдений самостоятельные и глубокие произведения породили своего рода штампы — упрощенные композиционные и тональные формулы, которыми охотно пользуются бойкие, но поверхностные художники.

Однако и к лучшим образцам, выполненным последователями этого направления, нельзя не отнестись критически. Подчеркивая оптический характер восприятия действительности, художник тем самым подчеркивает субъективность этого восприятия, уклоняется от показа объективной сущности явлений.

Исследуя ошибки и недостатки в иллюстрировании книг, мы обнаруживаем, что причина их в большинстве случаев заключается в забвении необходимости органической связи иллюстраций с содержанием литературного произведения. Это забвение бывает результатом недостаточной квалификации художника или его непростительной небрежности, а иногда является принципиальной ошибкой, как это имеет место в творчестве Т. Мавриной и В. Конашевича.

Отсюда ясно, сколь ответственна роль художественного редактора, заключающаяся прежде всего в том, что он должен помочь художнику найти правильные пути раскрытия и выражения идейного содержания литературного произведения. Художественный редактор должен также следить за ясной постановкой художественной задачи и за чистотой изобразительного языка.

Названные выше недостатки в оформлении и иллюстрировании книги мы разобрали на примерах из деятельности Детгиза. Но на работы центрального издательства ориентируются многочисленные периферийные коллективы.

* * *

Советские люди относятся к книге с большой любовью, большим доверием. Об этом должны помнить и мы, художники-иллюстраторы. Мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы не обмануть доверие читателя, должны создавать книги красивые, интересные, книги, которые были бы настоящими проводниками коммунистической культуры, умными воспитателями наших детей.

Б. ДЕХТЕРЕВ.
Заслуженный деятель искусств РСФСР, главный художественный редактор Детгиза.

АНАТОЛИЙ СУРОВ

ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ

В этой пьесе мне хотелось раскрыть красоту и богатство духовного мира советского человека, благотворное влияние нашей действительности на формирование его сознания и характера. Труд облагораживает человека, когда он является творческим, независимо от того, какую человек выполняет работу. Такой труд становится подлинно героическим, способствующим нашему движению вперед.

О таком радостном и творческом труде мне и хотелось поговорить в своей новой пьесе. Ее герои — рабочие, инженерно-технические работники одного из крупнейших металлургических комбинатов нашей страны.

В пьесе показываются и такие люди, которые в силу зазнайства и самоуспокоенности оказались в хвосте коллектива. Показываются также и те, кто, не понял величия государственных задач и перспектив, пытается прожить за счет своих прошлых заслуг, мечтая лишь о том, как бы сохранить свое положение. Хотелось показать тот огромный вред, который наносят такие люди своему коллективу.

Борьба передовых людей с дельцами-прожектерами, борьба за человека, свободного от пережитков прошлого, и составляет, по замыслу, основу пьесы.

В центре произведения — два молодых человека. Один из них — Андрей Медведев, в прошлом ученик ремесленного училища, потомственный сталевар. Постоянные успехи в работе, любовь и уважение коллектива не вскружили ему голову, потому что он всегда с чувством глубокой ответственности относится ко всему, что делает. Медведев, как он задуман в пьесе, обладает золотыми качествами коммуниста—скромностью, принципиальностью, способностью видеть в себе недостатки и преодолевать их.

Другой герой — Виктор Стрельцов, талантливый и тоже потомственный сталевар. Вследствие эгоистического отношения к жизни, болезненного и неверного понимания «славы», нетерпимости к критике он оказался побитым жизнью. Срыв Стрельцова способствовало и порочное, беспринципное отношение к нему отдельных руководящих работников предприятия, которые сами давно отстали от жизни.

Хотелось также показать в пьесе, как под воздействием среды Стрельцов постепенно осознает свои заблуждения. Хотелось показать, сколь трудный это процесс.

Другой стороной этой общей морально-этической проблемы являются вопросы любви, семьи, отношения к детям.

Анатолий СУРОВ.

Третье действие

Сад Стрельцовых

[illegible]

Агафья Степановна с [illegible] [illegible] на низком табурете [illegible]

[illegible] Никитин [illegible] Мария, Никитин, [illegible]

Мария. А почему вы не хотите зайти, Алексей Федорович? Заходите! Мама вас угостит свежим вареньем.

Никитин. Спасибо. Но, право, не знаю... (Мнется).

Мария. Да чего там знать-то? Пошли!

Никитин. Пожалуй... Идемте!

[illegible]

Тимофей Николаевич. Ездили мы, ездили... (Подходит к Агафье Степановне, приподнимает ее голову за подбородок). Ты не задремала, мать?

Агафья Степановна. Слушаю. До чего же голос у Марии душевный. (В такт музыке покачивается всем корпусом).

Тимофей Николаевич. Что правда, то правда. А Алексей Федорович мастак какой! (Запрокидывает голову, движением пальцев в воздухе показывает, как играет Никитин). А к, мать, вареньице [illegible]. Не [illegible], пригорит ли?

Агафья Степановна. Должно пригореть. В самую пору [illegible].

Тимофей Николаевич (кивая головой на таз с вареньем). Эх! Смотри, как пузырится! [illegible]

Агафья Степановна. [illegible]

Тимофей Николаевич. А ну, дай-ка я [illegible] (Берет из рук Агафьи Степановны ложку, зачерпнув варенья, [illegible]). [illegible]

Агафья Степановна (отбирая чурбачки). Ну-ка, тут не мартен тебе. (Передразнивает). «Жидковато-то...» [illegible]

Тимофей Николаевич (обняв ее одной рукой за шею). Куда мне! [illegible]

Агафья Степановна. Ты все хочешь, чтобы и под твой вкус подлаживались. [illegible] Виктор только такое и ест. Калина же его... любимая его.

Тимофей Николаевич (снова заглядывает в таз). Да-а... Что в сердце варится, на душе, видно, не утаится. Так что же? Ну, мой вкус — ладно. А Мария? Тоже не в счет?

Агафья Степановна. Мария пусть сама себе варит по вкусу... (Пауза). Ты вот что скажи мне, Тимофей... Как же это получилось? Алексей-то Федорович? [illegible] Виктора, а с тобой в дружках. С Марией вон... песни распевает. Что-то я не разберу тут ничего.

Тимофей Николаевич (после паузы). Э-эх, мать! Потому ты и понимаешь в [illegible] людях. Темная ты у меня [illegible] Агаша...

Агафья Степановна (с досадой). Да что понимать-то? Семейный человек, жена, детишки... А он как мальчишка — тут и там. Нешто это ладно? Да мне бы вызвать Виктора и [illegible]. А мы с дочкой... Вы и есть темные, слепые [illegible].

Тимофей Николаевич. Вот это ты, мать, напрасно сказала. [illegible] Да-а. Как солнце зачалось, и — все мы! [illegible]

Агафья Степановна. У тебя все светлые да чистые, только Витенька один грешный.

Тимофей Николаевич (опускает раскрытые руки). Да я не [illegible]...

Агафья Степановна (смотрит на него с укоризной). Что сказать? Что ты хочешь сказать?

Тимофей Николаевич (отводит взгляд). А то и хочу сказать. Витька наш [illegible].

Агафья Степановна. Да ты что, Тимофей? Аль и ты хочешь поднять руку на Виктора? Не забыл ли за радостью, что тебе Виктор приходится?

Тимофей Николаевич (сев на табурет, опускает руку на ее плечо, смотрит в землю). Э-эх... Кричала моя [illegible]...

Агафья Степановна (растирая, философствуя). Пожалуй, все ладно, сама себе [illegible]. Может, я [illegible] да только правды в его душе нету. Нету правды.

Тимофей Николаевич (удивленно). Разберись. Правда она сама себя отыщет — [illegible]. Да верно и то, что правда-то разная. И большая, и маленькая. (Помолчав, буркнул). Витькина-то правда — бесхвостая она. А большая правда — Андрейкина и Алексея Федорыча. Тут и спорить не надо. Нечего спорить, мать.

Агафья Степановна (снова вспылив). Разберемся? Разберутся, скажи. Виктор умно сделал, что на вас на всех в министерство жалобу подал. Вот там и разберутся. А то — «разберемся»! Не ты ли уж?

Тимофей Николаевич. Так и я тоже... А что — не последняя спица в колеснице! И хотя бы Андрейка, тот тоже. Видел, оглушила парня так, что в себя прийти не может. В цеху меня не поздравил. К нам теперь на вожжах не затащишь. (С грубоватой нежностью). Упрямый, черт. Второй день глаз не кажет.

Агафья Степановна. Вот и ладно, что не кажет. А придет, так я его выпровожу. Тоже, друг-приятель. (С сердцем схватив таз с вареньем, идет в дом).

Тимофей Николаевич (тяжело вздохнув). Э-эх, ехали мы, ехали... До чего ты кроткая у меня, Агаша! Воды не замутишь. Ангел, да и только! (После паузы). Д-да... (Устало потягиваясь). Старость — не младость. (Растирая рукой спину). Позвонки-то гремят... А что? Как раз самое время для-фуршет. (Роется в карманах). Деньга есть? Есть. Хватит на двоих? Должно. Забегу за Пашкой Братишкой.

Агафья Степановна, вернувшись с [illegible], [illegible] Тимофей Николаевич [illegible]

Тимофей Николаевич (подсчитывая деньги). Так... «Шумел камыш»...

Агафья Степановна. Тимоша!

Тимофей Николаевич (его будто стукнули по затылку. Втянув голову в плечи, прячет деньги. Не оборачиваясь). А? Ты, Агаша?

Агафья Степановна (улыбаясь). Лошадка приютила, говорю. Иди, выпей с устатку.

Тимофей Николаевич. Будет тебе. Давно завязал. (Оглядывается. Обрадованно). Добро, добро. Пропала, значит, красная моя ненаглядная! А я, сказать по совести, только подумал. По случаю нашего праздничка.

Агафья Степановна. Заждался от воскресенья до подвесенья. Алексея Федорыча позвать?

Тимофей Николаевич. А удобно ли? (Садится спиной к забору).

[illegible] Андрей. Увидев Агафью Степановну, [illegible]

Агафья Степановна (в полуоборот Андрею). Вы к Марии? Она, кажется, занята. (Не глядя на Андрея, продолжает хлопотать у стола).

Андрей (глухо). Я к вам, Агафья Степановна.

Тимофей Николаевич. Кто? (Вскакивая). Андрейка! Пришел, Аника-воин! (Идет навстречу, подводит к столу). Садись. Ну, чего ты? Сядь. (Наливает вино). Ну-ка, трахнем. Это Агафья Степановна нам с тобой припасла. А я уж, подумал, начал. Думаю: упрямый черт, не придет.

Андрей (испытывая неловкость, переминается с ноги на ногу). Добрый вечер, Агафья Степановна. Я к вам.

Агафья Степановна (с удивлением). Ко мне? Это зачем?

Андрей. Поздравить вас...

Тимофей Николаевич (обрывая). Да всегда ты обиды свои выкладывать. Ты поздравь меня сперва. Ну, давай! (Вручает ему стакан). Чокнемся.

Андрей. От всей души, Тимофей Николаевич! (Пьет, затем обнимает его). С великой победой, патриарх наш!

Агафья Степановна. Я пойду, Тимофей Николаевич. Угощу Марию вареньем.

Андрей. Нет, я прошу вас...

Тимофей Николаевич (обрывая). Ступай, ступай, Агашенька! (Выпроваживает ее). Ты бы и нам с Андрейкой крепенького чайку с вареньем подала. (Андрею). Калиновое варенье любишь?

Андрей. Какое там варенье! У меня душа горит. (Подождав, пока Агафья Степановна скрылась в доме). Неловко жить стало как-то. (Берет за плечи Тимофея Николаевича, смотрит в упор). Посмотрите мне в глаза, Тимофей Николаевич. Смотрите. Быть может, я неправду нем у меня бесстыжие?

Тимофей Николаевич. Тсс... молчи. Ты только с Агафьей пока не спорь. Все одно — не поймет. Пройдет время — сама усвоится. А сейчас — не докажешь. И не надо.

Андрей (упрямо). Надо. Витька-то у вас в доме на положении любимца. Любимый паинька мамаши. Она Витьку в дубовую рамку вместо иконы вставила. И любуется. (Пауза). Для Агафьи Степановны: «Сыночек мой! Какой же ты у меня особенный!». Она, Агафья Степановна, добрая... Я сам люблю ее, как мать. Но разве она не видит, куда катится Виктор... Тяжко, Тимофей Николаевич.

Тимофей Николаевич (с болью). Да знаю, знаю... Сострадания, знаю. Кому тяжко, а мне, отцу, радостно.

[illegible] Агафья Степановна с [illegible]

Андрей (упрямо). Не хочется. Я и сам в сущности, непорядочный, жору меня лоберут. Может, не надо было нам встречи-то уважать с вами вместо так. Разошлись и все, кот он и... (Оттолкнув стаканчик). Нет. Надо было! Надо. Хоть оставь с него сбить. Из рубцовы его [illegible]. Вот не той, может, видимой выражать стал — с этим согласен. Грубая штука, с вопросами. Упрямое варенье. Ну, да ведь и не Ежотов. Вот и утром губит Виктора. А что, не правда? Только уж, не от любви к Виктору, в от любви к самому себе. Ежотов — да, брат, за быстро! Виктору своих пригоняет. Он там и думает Виктора стало — его слава. Вот, брат, как.

Тимофей Николаевич. Какой же, братец, я тебе брат!

Андрей. Извините, Тимофей Николаевич. (Опять за свое). Ежотов — он Виктора Виктор, да и не Виктора даже. Ему... А-а! (Махнув рукой). Не видите что ли? Зачем же, когда не надо, нахальное вести Виктору кому? Зачем?

Агафья Степановна (вынося варенье на стол, Андрею). А ты это меня корили справлять с толком друга и на свое смотреть.

Тимофей Николаевич (прикрикнув на нее). Зорька — не утром: где стоит, там и шумит. (Внезапно раздражаясь). Сусолишь все это, вот что, мать!

Андрей (встал перед ней, сложив руки на груди). Агафья Степановна! Как родной матери... Раньше Витьку за брата считал. Близнецами в цеху называли нас. А потом... Я долго молчал, Агафья Степановна. Видел, как портился друг. Он перестал быть искренним со мной, с вами, с самим собой. Я молчал. Я боялся... Вот этого самого боялся, что теперь и случилось. Виктор и вы мою правду поняли, как захочется, как ложь. Думаете, я стремлюсь спихнуть Виктора с вышки. Больно мне. И вы, Агафья Степановна, поймите меня. Я говорю правду. Все равно поймете. А рана Виктора — она не смертельна. Нет, не смертельна! Сердцем чувствую.

Агафья Степановна. Ну, что уж... Будет тебе, Андрюша. Не надрывай сердце-то. Свой ведь ты у нас.

На террасе появляются Никитин и Мария.

Никитин. А что? Я не прав?

Андрей задумчив. Оборачивается.

Агафья Степановна (как-то вдруг виновато засуетилась, разливая чай). Да, что же я, господи... Про чай-то вовсе забыла. Выпей чашечку, Андрюша. (Усаживает его рядом с собой).

Никитин. В браке, Маша, есть все-таки какая-то безвозвратность. Иногда даже хочется сказать — грустная.

Андрей [illegible] смотрит на Агафью Степановну. [illegible] Агафья Степановна садит его на [illegible]

Мария. Но когда муж и жена любят друг друга, безвозвратность их не в тягость, а в радость. Так я понимаю?

Никитин (берет ее под руку, помогая спуститься вниз). Так, я не совсем так, Маша.

Андрей (встает, откашливается, выпрямляется, расправляет плечи. Смотрит широко раскрытыми глазами на Тимофея Николаевича, который, подперев голову руками, сидит в раздумье). А что, собственно, случилось? Агафья Степановна, да вы... Не надо. Зачем же так себя расстраивать. (Сжав кулаки, метнув взгляд в сторону Марии и Никитина. Резко повернувшись, идет прочь).

Тимофей Николаевич. Да-а... Ехали мы, ехали. (Зовет). Андрейка, погоди! (Выходит вслед за Андреем).

Никитин и Мария выходят из сада [illegible] Агафья Степановна [illegible]

Никитин. Постарайтесь понять мою правду. Я люблю свою жену. И с годами, кажется, все сильней. Но вот встречи с вами заполняют мою жизнь... Слабость, отказаться от этих встреч я не могу.

Мария. А зачем отказаться? Или жена ревнует?

Никитин. Жена? Нет. Она светлый человек. Она все понимает. И никак меня не связывает. Но вот что-то сам начинаю чувствовать себя перед ней виноватым. В чем виноватым, я и сам не знаю, но...

Мария (вспыхнув, возмущенно). А я понимаю, в чем тут дело, Алексей Федорович. Признайтесь, что к жене вас не только как друг, но как я, пожалуй, главным образом, как женщина! Разве не так? (Смеется). Любовь просто открылась. Правда, мама?

Агафья Степановна (растерянно слушая). Так, наверное. А может, нет. Не пойму, с чего ты. (Никитину). Не угодно ли чашку чая?

Мария. А почему чай? Я вижу искрящееся вино! (Разливает в бокалы вино). Да здравствует... (поднимая бокал, возбужденно) безвозвратность!

Агафья Степановна (подняв было свой бокал, ставит его на стол. С удивлением глядит на дочь. Шепчет). Господи, что за воскресные слова.

Никитин (смущенно улыбаясь). Как понимать этот тост, Мария Тимофеевна?

Мария (все более возбуждаясь). А вот так и понимайте, дорогой друг! Я — за безвозвратность. Один из всех жизнь. И... чтобы никаких упрощений советов! (Агафье Степановне). С твоего разрешения, мама! (Отодвигает графин, морщится. Тоном актрисы, безапелляционным). «Три сестры». Так себе.

Агафья Степановна. Какие сестры? Что с тобой, Мария? Это же ребята на конюшне.

Мария. Разве? Ха-ха-ха! Испугалась, мама? (Смеется).

Агафья Степановна. Озорница! (Никитину). Смотрю на нее, понять ничего не могу — забалованная какая-то сегодня. Маша или не Маша?

Мария. Нечего или не Маша? (Поднимает бокал). За тебя, мама! (Никитину). Прошу, Алексей Федорович.

Никитин. Не смею отказаться.

Мария. И ты, мама, не сердись. Слышь (подходит к ней, поднимает отцу) — веселая мы, сваха... (Чокнулась с Никитиным и Агафьей Степановной). — молодая пригожая, Агашенька... Да-а. (Целует мать). Ну, давайте. (Все пьют).

Агафья Степановна (поперхнувшись). Хорошая рябина. Так бы уж и писала — прямо на рябине. Пойду-ка я чай подогрею. (Поле забота уходит).

Никитин (улыбаясь). Я порой не знаю, как мне держаться с вами.

Мария. Я перешла границы?

Никитин. Нет, нет. Что вы! (Касаясь ее плеча). Я о другом. Вы не знаете, до чего же вы великолепны, Маша!

Мария (сжимая, отстраняет его руку). Вот-вот! Вот почему вы чувствуете себя виноватым перед женой, дорогой Алексей Федорович.

Никитин (смущен). Вы правы, Маша. Но с этим можно справиться. (Месяц-Какое воспоминание!). В этом есть что-то упоительное. Поклоняться вашей красоте на расстоянии...

Мария (задорно). Поклоняйтесь, поклоняйтесь... пока.

Никитин (настороженно). Почему «пока»?

Мария. Да так уж...

Никитин (отвечая). Маша... вы любите кого-нибудь?

Мария (смеясь). А что? Разве мне это противопоказано?

Никитин (мрачно). Нет, зачем же... Кто же он? Может быть, Ежотов?

Мария. Может быть, Ежотов.

Никитин. Нет... Андрей.

Мария. А может быть, и Андрей.

Никитин (так же мрачно). Впрочем, Ежотов и вы — этого не может быть. А вот Андрей... д-да... (Опустив голову). Д-да... Андрей — да.

Мария (бурно). Да не вешайте вы голову, черт возьми! (Неожиданно смолкает. После паузы, тихо, проникновенно). Видите, Алексей Федорович, как все в жизни сложно, трудно... Вы же — друг мне. Вы бы радоваться должны, если бы я полюбила... счастье свое нашла. А вы... Мы ведь живет люди. Вы сами чудесно фантазировали насчет прописки в Новом городе. Бауксимных, конечно, туда не пропишут. Но, думается мне, я тех с трудом пропишут, кто не сделал в себе. Вот этого... Кто не умеет поклоняться красоте на расстоянии. А главное: кто не умеет бескорыстно радоваться счастью друга, даже когда этот друг — женщина. Бескорыстно. Вы понимаете? С чистым сердцем. Вы меня понимаете, Алексей Федорович?

Никитин (смотрит на нее с откровенным восхищением). Я... Я понимаю вас, Маша.

Мария (смущена под его взглядом. Срывает цветок, ударяет им по носу Никитина). Ничего вы не понимаете. (Отходит к цветам).

На улице появился Виктор. Увидев Никитина, он идет мимо, чтобы пройти незамеченным. Улучив такой момент, быстро идет и скрывается в доме.

Никитин (взглянув на часы). Задержался же я у вас, однако.

Мария. Жалеете?

Никитин. Что вы!..

Входит Ежотов

Ежотов (озирается кругом. Увидел Никитина. Глаза забегали под стеклами очков). Я уже начинаю привыкать ко всяким вашим неожиданным поступкам, товарищ Никитин. Но, признаться, встретить вас... (оглядывает взглядом стол). Вы... у Виктора Тимофеевича?

Мария (от цветника). Нет, начальник цеха у меня в гостях.

Ежотов. А, доктор. Опять... Добрый вечер, Мария Тимофеевна.

Мария. Здравствуйте! (Никитину). Алексей Федорович, я нарежу букет для вас. Вот только возьму ножницы...

Никитин. Благодарю вас! А зачем ножницы? Вот, пожалуйста (раскрыв перочинный нож, подает к Марии).

Мария. Ой, острый какой!

Никитин. Можно? (взглядом указывает на георгин).

Мария. Конечно.

Никитин (срезает цветок, подает его вместе с ножом Марии). Очень удобно. Только осторожней. (Возвращается к Ежотову).

Ежотов (все это время поглядывал подозрительно на Марию, режущая цветы). Странно... Да, по меньшей мере, странно.

Никитин. Что это вам странно, товарищ Ежотов?

Ежотов. Все странно. И прежде всего вы — странный. Мне кажется, что вы приехали к нам с целью удивлять нас всех. Как удивлять — это другое дело. Но вот, мол, глядите: вы люди смертные, а я вот какой необыкновенный! Во всем необыкновенный. Ну, а сейчас... Сейчас я понял... (Молчит).

Никитин. Что поняли?

Ежотов (уклончиво). Понял то, что понял.

Никитин. Какая изумительная сообразительность! Вы говорите, что я странный и что за этой странностью кроется...

Ежотов (прерывая). Я говорил, уважаемый товарищ Никитин, то, что говорил. А чего не говорил, того не говорил.

Никитин (иронически). Почти по Сократу: я знаю, что я ничего не знаю.

Ежотов (давая понять, что не желает продолжать разговор с Никитиным). Мария Тимофеевна, а где же Виктор? Скоро придет сюда писатель читать отрывки.

Мария (не оборачиваясь, слушая только голос). Читать отрывки из обрывков. А Виктора, по-моему, нет дома, папы тоже нет.

На террасу вышел Виктор. Не выдавая своего присутствия, слушает.

Агафья Степановна (с крыльца). А Тимофей Николаевич видно в... как это... вале-фуршете.

Ежотов. Не понимаю.

Агафья Степановна. А я, думаете, понимаю? (Выходит в сад, помогает Марии резать цветы).

Никитин (Ежотову). Вы не отрицаете от мысли провести последнюю плавку по шагу Виктора Стрельцова до приезда из Москвы заместителя ЦК? Я хочу сделать последнюю попытку отговорить вас. Подождите. Вопрос ведь нешуточный этот.

Ежотов. Вы подменяете все административно-хозяйственное руководство. Не делайте этого хоть со мной. Побойтесь бога. Я понимаю, вам только и остается поместить еще обязанности начальника цеха к обязанностям секретаря партийной организации, и тогда...

Мария и Агафья Степановна с цветами в руках скрываются в доме.

Никитин. Что тогда?

Ежотов. Пойти посидели.

Никитин. Мне вовсе не к чему совмещать эти обязанности. Как и вам, впрочем. Я хотел только сказать, — Виктору Тимофеевичу надо просто время, чтобы внутренне как-то успокоиться. Я не сомневаюсь, что он добьет до конца, туда его может завести глупое тщеславие. Это-во-первых. Во-вторых, дело его рассматривать без...

Ежотов (прерывает). Это сделано — не его. Это дело наших рук. И рассматривать мы будем его с этой точки зрения и ни с какой иной. Это-во-первых. Перерыв ЦК обратил внимание, как мы рискнули. После курса его направляют в другое место. Партийное намерение. Это — во-вторых. Вас же, обещаю возьмусь поставить на место. Это — в-третьих. Ну, и, само собой разумеется, реабилитировать Виктора. Вы его втянете в последний скандал. Вы осмеливаетесь погубить нашего комбината. И неужели думаете, что это сойдет вам с рук? А прокуратура ваша? Как могли вы послать в Москву свои недодуманные расчеты насчет пересмотра металлургического плана? Вы — начальник только одного цеха. Как вы можете планировать работу всего узла? И все это без ясных, чистых возможностей?

Никитин (тихо, но твердо). Могу, если умею. А я, кажется, умею. Могу, если я не просто административно-хозяйственный руководитель, как вы изволили выразиться, а коммунист. Прежде всего коммунист, поэтому вижу возможность, если я малейшая помощь.

Ежотов. Хе, прошу в персону поэзии. Вот и весь хваленый!

Никитин. Какой?

Ежотов. Шабаш, «героический»! А мы что? Мы тут без вас сидели бы? Мы темные? Да к тому же трусы! И возможности для нас не возможности? И не захотели вы перед нами с высокого шпиля плевать? Бюрократы от партийной работы? По двенадцать-пятнадцать часов в цеху околачиваемся! А он режим завел — восемь часов среди дальше в фокусе, а потом прыг-трава. Селесть-то где, на какой самой отставать товарищ Никитин? Два глаза! Да ведь что-бы кое-что сделать, сколько нервов надобно? А нервы мы — это ли в счет? Вы, я слыхал, в прошлом году хоть что-нибудь списали? У нас, например, вот вовсе хорошие вальцовщики. А вы...

Никитин (прерывая, насмешливо). А их и не надо, вальцовщиков. Ликвидирую эту профессию.

Ежотов. Вы, часом, не решили весь комбинат под откос пустить? А то что же одних вальцовщиков! Давайте и горновых и сталеваров зачислим в подсобники. Да кто позволит? Впрочем, вы и тут преуспели. Мы человека растили, пестовали, вкус прививали к государственной деятельности, к общественной. А вы одним ударом его с ног сбили. Нет, простите уж, а только кадры наши золотые избивать не позволим. Хитро, конечно, задумано. «А я, мол, не избиваю никогов. Я только за то, чтобы кавалерийку одернуть». «Напротив, смотрите, — его отца выдвинулся изобретателем сделал». «Я новые кадры поддерживаю. Поглядите — Андрей Медведев». Стукнул лбами, а сам за сценой (жест в сторону стола). А этот тугодум Медведев рад стараться. Не догадывается даже, кто и кому (кивнул в сторону дома) в этом саду букет собирает. Ничего, догадается еще. А не догадается сам, — разъясним.

Никитин (смотрит на него уже с искренним сожалением. Грустно). Какой же вы циник, Ежотов. И... просто скучно.

Мария (входя с большим ярким букетом цветов, Никитину). Донесете? (Подает букет Никитину, а в петлицу пиджака Ежотова вставляет цветок георгина). Нравится?

Ежотов. Спасибо, нравится.

Мария. На вас похож. Напыщенный и никакого аромата...

Никитин (приподнимает букет перед собой). Тяжелый какой. Благодарю. (Прощаясь). Сердечный привет Агафье Степановне и Тимофею Николаевичу. Так вы поговорите с Виктором.

Мария. Сегодня же. Спасибо вам, Алексей Федорович. Прямо гора с плеч.

Никитин. До свидания. Вам спасибо, Мария Тимофеевна. За все спасибо. (Не попрощавшись с Ежотовым, уходит на улицу).

Мария (вспомнив, кричит). Алексей Федорович!.. Обождите, Алексей Федорович! (Бежит в дом и тут же возвращается). Вы забыли свой нож. (Выходит к Никитину).

Никитин. Что это со мной? Никогда я нигде его не оставлял.

Мария. Плохая примета? Я слышала...

Никитин. Да нет! Плохо, говорят, когда потеряешь нож. Но я ведь его не терял! Вот он! (Оба, смеясь, идут по улице, скрываются за домом).

Тем временем из дома вышла Агафья Степановна. Постояв на крыльце, прошла к Ежотову.

Ежотов (вынув из петлицы цветок, разглядывает лепестки). Вот, имел честь... Из собственных рук самой Марии Тимофеевны...

Агафья Степановна (не понимая иронии). Уж не больно честь велика.

Ежотов. Славный букет вы собрали... Только не этому бы человеку с букетом отсюда уходить. Мне ведь в счастье Марии не безразлично, как и Виктора, как и ваше и супруга вашего... Семья Стрельцовых — она гордость наша общая! (Смотрит в сторону, где скрылись Мария и Никитин). Не позволим! (Агафье Степановне). Я зайду еще. Только пусть писатель не читает ничего без меня. (Уходит).

Оставшись одна, Агафья Степановна [illegible] с террасы спускается Виктор. В руках шахматная доска. [illegible]

Агафья Степановна. Наши заводские с прогулки возвращаются. Ты не с ними был, Витя? Катю видел?

Виктор (горько). Мне только и осталось, что с Катькой в догонялки играть. (Садится с матерью). Давай в «волки и овцы»? Хочешь?

Агафья Степановна (не глядя на него). С Андреем-то не говорил?

Виктор. О чем это? Все уже переговорено.

Агафья Степановна. Я варенье твое любимое сварила. Покушай!

Виктор. Премного благодарен, мама! Для меня сварила, Никитина кормила. (Протестующий жест Агафьи Степановны). Не спорь. Он был здесь. Букетик ему вот такой спорхнул. (Резко). Зачем он к нам ходит? Ты думаешь, он к отцу приходил? Или, возможно, думаешь — совесть в человеке заговорила? Зачем со мною встретиться? Черта с два. Где Мария?.. А, не знаешь! Ты все знаешь. Отмалчиваешься. А зачем? Скажи Марии, что я не потерплю больше этого! Она тебя слушается. Скажи обязательно. Ты не скажешь, — устрою скандал. Чтоб ноги Никитина здесь не было. А то обе растаяли... Варенье, пожалуйста... выпивка... букет. А Ежотов по-людски пришел не могла. Я не видел. Все видел, все слышал!

Агафья Степановна. А коли слышал, так не мели. Остудился, искалеченный. Голову-то холодную. Подумай получше, кто тебе друг, а кто враг. Ежотов твой тоже штучка...

Виктор (раздраженно). Ежотов?.. Я знаю, что из себя представляет эта штучка. Знаю. (Стихая). Ты только догадываешься, а я знаю. Понимаешь, мама. И уж вы меня, пожалуйста, не мешайте. Не мешайте, пожалуйста. Думаю так, что голова трещит... (Агафья Степановна решительно поднимается и уходит в дом. Виктор идет к калитке, встречается с Марией. Раздраженно, с иронией). Ага... Прогулки в одиночестве вокруг своих. Полезно. И — вполне приличествует влюбленной даме.

Мария. А ты, сомнительный невестин, может, восхваляемую модель? Не жди. Не придет. (Пауза). Сварил ты, Виктор... вот та самая свалка его дубом венозным... Наверно жалуешь ее до смерти.

Виктор (проникновенным голосом). Маша, а ты? Извини меня, Маша. Я не хотел тебя обидеть. Наоборот, я даже рад, что встретил. Ты знаешь, как у меня тут... (стучит кулаком по груди). Кошку будто заглотил. Скребет когтями... Зубами вцепилась. (Болезненно морщится). От такого, знаешь... вздохнуться можно.

Мария. Поскучаешь малость, — пройдет. Несчастный ты, злюк поскребанный. Да я в такой форме! Экзамены развейся. (Взяв его за руку, ведет к столу). Садись и слушай.

Виктор. Не хочу, не могу слушать. Давай партию в шахматы. Прошу тебя. Одну. Блиц... (Расставляет фигуры на доске). Твои белые.

Мария. С тобой опасно играть. Но давеча у мартена такой блиц устроил — все ахнули. А потом поражение свое на партере сдали. (Делает ход).

Виктор (отвечая на ход). Ты у нас мудрая, Маша. Все в отца. Ответь вот мне: что такое счастье?

Мария. Радость. (Ход).

Виктор. А радость? (Ход).

Мария. Сила. (Делает по несколько ходов).

Виктор. А чем питается сила?

Мария (поправляя его ход). Рокировались нельзя. Витое поле, не видишь? Сила питается любовью.

Виктор (делает ход). Ты сильная. Значит... любишь?

Мария. С тобой невозможно играть. (Поправляет его ход). Открываешь короля.

Виктор. А если не любишь? Где же взять силы?

Мария. Так не бывает. Если нет любви к людям, значит вырождаешься в жалкого эгоиста. Тебе — мат. (Сметает рукой фигуры).

Виктор. Еще недавно я тебя легко обыгрывал.

Мария. Растрепал силы.

Виктор. А ты приобрела их. Выходит, любишь? Я говорю о любви не вообще к людям. Ты не ответила.

Мария. Выходит, да. (Меняя тон, задушевно). Прекрати, Витя. Загляни в себя поглубже. Глазами разума и сердца. Загляни. А оно, сердце, неплохое у тебя. Да и разумом природа не обидела. Только вот кое-что намусорил тебе в голову... Мы еще поговорим с тобой об этом.

В калитку вошла Катя. Увидев Виктора, остановилась, не решаясь подойти. Он оборачивается.

Виктор (радостно). А, Катя... Вот это хорошо! (Идет ей навстречу, проводит к столу). А мне Мария мат поставила. Садись, Катя.

Мария. Он у нас, Катя, долгое время в премьерах числился. Ну, вот и слабовал. (Целует Катю. Подражая отцу). Здравствуй, руса-коса, девя краса! (Прищурив глаза, смотрит на нее). А ты осунулась заметно. С чего бы это? Не прячь лицо. На этого погляди (кивает в сторону Виктора) — тоже хорош! Глазищи-то провалились... Чай пить будем! Я сейчас. (Уходит в дом).

Катя (смотрит широко открытыми глазами). Я пришла... Ты любишь, Виктор... Двое суток не сомкнула глаз. Ты... Я думала... Я поверила тебе. А ведь ты обманул. Это неправда, что тебе сдали холодную печь. Мы все проверили. (На лице выступает румянец). Это ложь. Ты обманул... Ты...

Виктор (опустив голову). Не надо, Катя, об этом... Или ты затем и пришла, чтобы срамить меня? Тебе недостаточно того, что было в цеху?

Катя (беря себя в руки). Еще не так давно ты казался мне всех дороже. Я думала, что... Я уважала тебя, уважала очень. А теперь...

Виктор. Ты ненавидишь меня?

Катя. Ненависть, как и любовь, чувство сильное. И ненавидеть можно только сильных. А ты тряпка. Ты даже и сам не понимаешь, зачем ты все это сделал. Сорвал график, нарушил новую технологию. Ты...

Виктор (пытаясь шутить). Ну, вот... Я о психологии, а она о технологии. (С напускным равнодушием). О, какой жалкий тип. Ты недостоин даже ненависти! Ты достоин только презрения. Ты — гражданин Стрельцов, Виктор Тимофеевич... (Неожиданно смолкает. После паузы, тихо). А ведь это неправда.

Катя (встрепенувшись). Что неправда?

Виктор. Любишь меня.

Катя (усмехнувшись). Это известно, что ты скромностью не страдаешь. Кто это тебе сказал? Сорока на хвосте принесла?

Виктор. Не шути, Катя. (Подвигается вместе со своим табуретом к ней, берет ее руку). Сердце сказало. Глаза твои говорят. Твои бессонные ночи. И вот то, что ты пришла... Любишь меня вот таким... Со всеми моими, как вы их называете, «за-блу-жде-ни-я-ми».

Катя (не отнимая руки). А ты как называешь?

Виктор. Не хочу. Не хочу ничего об этом слышать. Пусть разбираются! Ты вот скажи... ведь любишь?

Катя (насмешливым тоном, маскируя волнение). А зачем это вдруг тебе понадобилась моя любовь?

Виктор. Зачем? Только не смейся, Катя. Я знал, что ты там шумишь, расследуешь, обвиняешь меня... И все-таки... Никого не хотел видеть в эти дни, а тебя хотел видеть. И вот, когда ты пришла сейчас, я почувствовал вдруг, какая ты... родная мне.

Катя (радостно вспыхнув. Застеснялась. Вскочила с табурета. И вдруг взлохматила ему волосы). Э-эх, ты, «премьер»! Причешу изменник... (Своей гребенкой зачесала ему волосы вверх). Вот таким ты мне нравишься!

Виктор (взволнован). Ты — ребенок, Катя. Уж если по-прежнему, значит и закурить можно? (Вынимает портсигар, закуривает.)

Катя. Нет, нет! Это не надо! Брось немедленно!

Виктор (затянулся). Быть по-твоему. (Бросает папиросу). Вот, извинись, Катя... (Смолк, увидев Марию).

Мария несет чайник, посуду. Она еще в более приподнятом, возбужденном состоянии.

Виктор. Я разучил две чешские песни, Катя. Идем. Спою. Или ты чаю с вареньем хочешь?

Катя. Песня лучше.

Виктор. Ну, так идем! (Взявшись за руки, идут в дом).

Мария (скрывая волнение). Отлично. Мне больше достанется. (Наливает в чашку чай, тут же первым движением отодвигает ее в сторону. Прохаживается по дорожке сада. Опять подходит к столу, садится за него, подперев рукой голову). Эх, Андрей... медведь-медведь... Как ты мог подумать?.. А мама? Говорит, я дала повод! Глупо... Да-да... Чистая радость... Видно, тогда только она будет, когда до конца, насмерть, начисто будет убит зверь в человеке... А он еще живет. Издыхает, но живет. И даже вот... в Андрее... в Никитине... И вот-вот, да и оскалит зубы. Андрюшка... Такой ясный... И вдруг — ревность? А может быть, это законное чувство? Где любовь, там и ревность? Нет-нет! Ревность там, где нет веры в любимого. Мама в одном права: я была слишком сдержанна с Андреем. Но мне же трудно... Мне нельзя ошибаться... Я не девочка. Ни в себе нельзя ошибаться, ни в нем... Ах, Андрюша, Андрюша! Глупый ты мой... медведь мой любимый...

У калитки появилась женщина. Среднего роста. Лицо полно и мило. Дружелюбно смотрит на [illegible]. [illegible] Это Надежда Сергеевна Никитина. Ее [illegible]

Никитина (у нее низкий грудной голос). К вам можно, Мария Тимофеевна? Я всего на минутку.

Мария (вздрогнув, обернулась). А-а... Надежда Сергеевна. Проходите, пожалуйста. Добрый вечер.

Никитина. Здравствуйте.

Мария. Присаживайтесь. Чаю выпьем.

Никитина (садясь рядом). Спасибо. Спешу. Дети вперед убежали. Мы с загородной прогулки.

Мария. Далеко были? На машине?

Никитина. Гулять на машине? Да ведь это неинтересно. Любопытно среди людей побыть.

Мария. Да, это верно.

Никитина (несколько застенчиво, но твердо глядя прямо Марии в глаза). Я, знаете, плохой дипломат. Скажу вам, Мария Тимофеевна, уж сразу, что хочется сказать. Чур, не обижаться. Хорошо? Сначала только один вопрос: вы любите моего мужа?

Мария (первая смеется. Словно про себя...

Окончание на 4-й стр.

БУДАПЕШТСКАЯ СЕССИЯ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА

Дух переговоров должен победить

Впечатления участника сессии

В столице нашей родины — Будапеште, куда были обращены взоры всего трудящегося человечества, заседал Всемирный Совет Мира. Руководители величайшего движения нашей эпохи, мужчины и женщины, молодые и старые, ученые, писатели, деятели искусства, рабочие собрались со всех концов мира, почти из всех стран земного шара, чтобы снова совместно обсудить важнейшие для судеб человечества вопросы, пути и средства дальнейшей активизации борьбы народов за мир. В Будапеште в эти дни можно было видеть много иностранцев. Я хорошо помню еще те времена, когда в Будапеште пышно расцветал так называемый «интуризм». Богатые скучающие иностранцы приезжали тогда в Будапешт в поисках экзотики. Профессиональные «увеселительные организации» устраивали экскурсии в провинции, но не для того, чтобы ознакомить этих иностранцев, которые действительно были чужими, с жизнью крестьянства, а чтобы показать им табунщиков в вышитых бурках и накормить в корчме «настоящим венгерским» гуляшем. Жизнь трудового народа совершенно не интересовала этих посетителей, а венгерские интуристские конторы делали все возможное для того, чтобы приезжавшие к нам американцы, англичане, французы абсолютно ничего не могли узнать об этой жизни.

Находясь в зале, в котором заседал Всемирный Совет Мира, я видел там людей из многих стран, передовых участников великой борьбы за мир, людей, которых связывает друг с другом и с нами, венграми, горячая любовь к делу мира и демократии.

И венгры, и китайцы, и индусы, и французы, и вьетнамцы, и англичане — все они, несмотря на различие наречий, говорят на одном языке, на языке мира.

В витринах магазинов столицы были выставлены портреты благородных борцов за дело мира, повсюду на улицах их встречали выражениями любви и дружбы. Перед входом в здание, где происходили заседания Всемирного Совета Мира, стояли взволнованные пионеры и пионерки и буквально атаковали участников сессии просьбами об автографах. Лица гостей светились улыбками. Им нравился этот живой интерес молодежи. Места для гостей на заседаниях были постоянно переполнены. Сюда ежедневно трудящиеся посылали своих лучших представителей — рабочих, крестьян, писателей, деятелей искусства, чтобы они, ознакомившись с работой сессии, могли потом рассказать людям о виденном и слышанном.

Венгерские и зарубежные участники сессии быстро сдружились. Трогательны были встречи на вокзале или на аэродроме, особенно, когда давно не видавшиеся друзья, многие из которых на протяжении нескольких десятилетий совместно боролись за общее дело простых людей, дружески обнимались.

Мы были свидетелями волнующей встречи выдающегося китайского поэта Эми Сяо и его старого друга, известного венгерского писателя Бела Палеш.

Сидя на сессии, я наблюдал за аудиторией. Среди присутствующих было немало таких, которые впервые участвовали в таком огромном совещании, где принимались решения, затрагивающие судьбы народов. На их лицах отражалось напряженное внимание, огромный интерес ко всему, что происходило в зале. Они слушали, записывали, боясь пропустить хотя бы слово из того, что говорилось на трибуне. А когда тот или иной оратор особенно привлекал их внимание, рабочие и крестьяне кивали ему головами, как бы одобряя сказанное.

Венгерские писатели, все более активно участвующие в борьбе за мир, сейчас, в связи с сессией Всемирного Совета Мира, познакомились со многими своими коллегами, о которых слышали, произведения которых знали.

У нас побывали и такие наши добрые друзья, как А. Сурков, Н. Тихонов, с которыми мы и в Будапеште и в Москве провели много незабываемых часов. Правда, все они были очень заняты, но тем не менее они всегда урывали время, чтобы побеседовать с нами о проблемах литературы. Мы часто встречались и говорили на литературные и политические темы с коллегами из стран Азии и из западных стран.

Радостным был вечер, проведенный нами в огромном купольном зале парламента на правительственном приеме в честь сессии Всемирного Совета Мира, где венгры и русские, негры и китайцы, взявшись за руки, с самозабвением танцевали, как бы символизируя стихийно образовавшимся хороводом нерушимую дружбу различных народов.

Этот прекрасный вечер не изгладится из памяти. «Каждый, — сказал мне секретарь Всемирного Совета Мира Айвор Монтегю,— увезет с собой в сердце память о свободной, мирной жизни, новой жизни венгерского народа».

Весь венгерский народ с нетерпением ждал решений, которые были приняты сессией. Этих решений ждали во всем мире, ждали готовые к действиям мужчины и женщины, которые трудятся ради мира, свободы и независимости.

Через все выступления и высказывания, через всю работу сессии красной нитью проходила мысль: дух переговоров должен одержать победу над духом решений, основанных на силе. Переговоров, переговоров, переговоров — вот чего требовал Всемирный Совет Мира от руководителей правительств и народов. Жизнь уже принесла подтверждение тому, что переговоры могут привести к успеху, что дух переговоров может одержать победу над духом войны. Это один из важнейших результатов многодневной работы сессии Всемирного Совета Мира. Венгерский народ твердо верит, что мир должен победить. Кто в эти дни побывал в деревнях, на предприятиях страны, мог убедиться, с какой энергией наши люди ведут борьбу на фронте труда за достижение великой победы.

Тамаш АЦЕЛ.

Писатель, лауреат Сталинской премии и премии Кошута, член Всевенгерского Совета Мира.

БУДАПЕШТ. (По телефону).

Международные премии мира

Состоявшаяся на днях в Будапеште сессия Всемирного Совета Мира, на которой обсуждались важнейшие вопросы современной международной обстановки, явилась убедительным свидетельством значительных успехов, достигнутых народами в борьбе за сохранение и укрепление мира, за создание условий, благоприятствующих мирному урегулированию всех международных разногласий.

Эти успехи — результат могучего размаха движения сторонников мира, движения, в котором наряду со всеми людьми доброй воли активно участвует и передовая интеллигенция — прогрессивные ученые, деятели культуры и искусства разных стран. Отмечая выдающуюся роль передовой культуры в борьбе за мир и демократию, первый Всемирный конгресс сторонников мира, состоявшийся в апреле 1949 года в Париже, принял решение об учреждении премий с целью награждения за лучшие произведения литературы и искусства, направленные на защиту дела мира.

На втором Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве в ноябре 1950 года состоялось присуждение Международных премий мира и Золотых медалей группе известных деятелей литературы и искусства.

Две Почетные Премии в особом порядке были присуждены городу Варшаве, как символу мирной реконструкции, и замечательному писателю-патриоту, народному герою Чехословакии Юлиусу Фучику за его книгу «Репортаж с петлей на шее».

Международные премии в защиту мира получили всемирно известные поэты Пабло Неруда и Назым Хикмет, испанский художник Пабло Пикассо и негритянский певец Поль Робсон, режиссер Ванда Якубовская и группа советских и венгерских кинематографистов.

Золотые медали были присуждены французскому писателю Жан-Ришар Блоку за книгу «От Франции оккупированной к Франции вооруженной», ливанскому журналу «Ат-Тарик», румынскому писателю Михаилу Садовяну за его книгу «Митря Кокор», художникам Ренато Гуттузо (Италия), Кандидо Портинари (Бразилия), чехословацкому композитору Вацлаву Добиашу за кантату «Строишь родину, — укрепляешь мир», французскому режиссеру Луи Дакену за фильм «Битва за жизнь».

На минувшей сессии Всемирного Совета Мира Международные премии мира и Золотые медали были присуждены новой группе деятелей культуры, жизнь и творчество которых неразрывно связаны с борьбой в защиту мира, являют образец самоотверженного служения народам.

Почетная Премия в защиту мира по праву присуждена болгарскому национальному герою, поэту Николе Вапцарову, отдавшему всю свою жизнь до последней капли крови борьбе за свой народ, за его будущее, за счастье всех людей на земле, за то, чтобы никогда не повторились ужасы иностранной оккупации и новой мировой войны. Он был любимым сыном своего народа. С ранней молодости интересы народа стали его интересами, народные радости — его радостями, страдания простых людей — его страданиями. За свою революционную деятельность Вапцаров неоднократно подвергался преследованиям и репрессиям. Свою беззаветную патриотическую деятельность он продолжал вести и в период господства немецких фашистов. Вапцаров был схвачен гитлеровскими ищейками и расстрелян.

Среди лауреатов Международной премии мира—известный французский поэт Поль Элюар, умерший в прошлом году. Его ранние стихи написаны под впечатлением ужасов первой мировой войны. В сборнике «Стихи в защиту мира», изданном в 1918 году, Поль Элюар говорит о своей ненависти к войне, о радостях мирного труда. Правда, в тот период поэт еще не созрел для понимания причин происхождения и характера империалистических войн, еще не знал, как надо бороться, чтобы не допустить их повторения.

Народный фронт во Франции, поездка в республиканскую Испанию, наряд которой вел героическую борьбу против Франко и его немецких и итальянских вдохновителей, активное участие в движении Сопротивления против гитлеровской оккупации Франции оказали громадное влияние на мировоззрение и творчество Поля Элюара, вступившего в тяжелый 1942 год в ряды Коммунистической партии Франции.

После второй мировой войны Поль Элюар — последовательный и неутомимый участник борьбы за мир и демократию, за свободу и национальную независимость своей отчизны, за расцвет ее культуры. Он глубоко верил в силы народа, в конечную победу дела мира. В одной из своих статей он писал: «Мы не беззубые мечтатели, и у нас свои средства. сила, которая своего добьется.... Люди хотят сами распоряжаться своей судьбой и не хотят подчиняться силам зла. Там, где они повинуются только голосу своей совести, зло уже отступает перед добром. Так будем же бороться!».

Международной премии мира удостоен старейший ученый, видный деятель демократического движения в США и стойкий борец за права угнетаемого в Америке негритянского народа доктор Уильям Дюбуа. Доктор Дюбуа — профессор ряда университетов, почетный член многих научных обществ и объединений. Ему принадлежит большое число трудов по философии, праву, по вопросам жизни негров.

В 1949 году Уильям Дюбуа принимает участие в первом Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже. Открыто встав в ряды борцов за дело мира, доктор Дюбуа вызвал на себя нападки черных сил реакции, всех тех, кого страшит перспектива мирной жизни народов, кто боится потерять сверхприбыли, получаемые от производства напалмовых бомб, пушек и бомбардировщиков.

Против доктора Дюбуа был инсценирован судебный процесс, его обвинили в подрывной деятельности против Соединенных Штатов. Для защиты своих идей, для того, чтобы доказать, что великий честный человек может и должен бороться за сохранение мира, старый ученый совершил поездку по многим городам и штатам Америки, выступая на митингах и собраниях сторонников мира, разъясняя общественности свои убеждения и свою деятельность. Миллионы людей в США и других странах встали на защиту маститого ученого, и перед лицом всенародного протеста американский суд не осмелился приговорить его к тюремному заключению.

В Советском Союзе и во многих других странах с большим успехом демонстрировался немецкий фильм «Непрошенные гости», разоблачающий американскую оккупацию Западной Германии, показывающий сопротивление немецкого народа иностранным империалистам, его мужество, твердость воли в стремлении к созданию единой, демократической, миролюбивой Германии. Создатели этого фильма Мартин Гельберг, Курт и Жанна Штери удостоены звания лауреатов Международной премии мира.

Имя мексиканского художника-гравера Леопольдо Мендеса известно далеко за пределами его родины. Талантливый иллюстратор книг, создатель сотен фресок, один из основателей и руководитель «Мастерской народной графики» («Тальер де графика популар»), Леопольдо Мендес неоднократно удостаивался за свои произведения различных международных и национальных премий. Он создает большие полотна для украшения помещений, где проходят собрания сторонников мира, участвует в выпуске плакатов, афиш, открыток, призывающих к борьбе за мир. На текущей сессии ВСМ Леопольдо Мендесу и его сотрудникам из «Мастерской народной графики» была присуждена Международная премия мира.

На чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира, состоявшейся в июле прошлого года в Берлине, делегаты устроили бурную овацию представителю индийского народа, страстно и гневно говорившему о проводимой американской реакцией милитаризации Японии, об освободительной борьбе, которую ведут народы колониальных и зависимых стран Азии. Это был писатель Мульк Радж Ананд, член исполнительного комитета Ассоциации прогрессивных писателей Индии, вице-председатель Всеиндийского и член Всемирного Совета Мира. Перу Мульк Радж Ананда принадлежит много романов и рассказов о тяжелой жизни индийского народа, о его страданиях и борьбе за лучшую жизнь. Ряд его книг переведен на различные языки, в том числе и на русский язык. За деятельность в защиту мира и за творчество, содействующее борьбе народов за светлое будущее, Мульк Радж Ананду присуждена Международная премия мира.

За литературную деятельность и произведения искусства, служащие делу мира, на будапештской сессии ВСМ награждены Золотыми медалями известные деятели культуры: французский карикатурист Жан Эффель за рисунки в защиту мира, чехословацкий поэт Витезслав Незвал за поэму «Песнь мира»; английский писатель Джеймс Олдридж за роман «Дипломат», бразильский композитор Клаудио Санторо за симфонию «Песнь любви и мира», аргентинская писательница Мария Роса Оливер за деятельность в защиту мира, японские художники Тосико Акамацу и Ири Маруки за серию картин «Сцены атомной бомбардировки», французский скульптор Жерж Саландр за творчество в защиту мира, иранский писатель Алави Бозорг за книгу «Намеха», румынский скульптор Чорваси за скульптуру из дерева «Корейцы», венесуэльский поэт Карлос Аугусто Леон за поэмы о мире, колумбийский юрист Луис Карлос Перес за деятельность в пользу дела мира, финляндский скульптор Вайне Аалтонен за скульптуру «Мир», исландский романист Халлдор Лакснесс.

Среди деятелей культуры, которым на этой сессии Всемирного Совета Мира присуждены Международные премии мира и Золотые медали, — представители различных континентов, многих стран и народов, люди, отличающиеся по своему мировоззрению и политическим убеждениям, деятели, по-разному оценивающие международные события. Они принадлежат к различным политическим партиям и группировкам, зачастую проповедуют противоположные взгляды на литературу и искусство. Но у всех этих людей — одна общая цель: все они выступают за мир, за разрешение всех разногласий мирным путем, за переговоры между великими державами и заключение Пакта Мира.

Работники культуры вносят все более ценный вклад в общую борьбу народов за мир.

П. ШМЕЛЬКОВ.

БУДАПЕШТ. (По телефону).

Французские газеты об успехе советских музыкантов на Международном конкурсе в Париже

ПАРИЖ. (ТАСС). Парижские газеты широко откликнулись на закончившийся здесь Международный конкурс скрипачей и пианистов имени Жака Тибо и Маргариты Лонг, в котором успешно выступали советские музыканты.

Касаясь итогов конкурса скрипачей, газета «Фигаро» писала: «Мы прослушали лучших молодых скрипачей и могли судить о школах, которые они представляют. Имеются две школы: русская и французская, ибо, собственно говоря, американской школы не существует. Первая одержала победу в лице 25-летней девушки Школьниковой, которая, будучи еще только студенткой Московской консерватории, уже сейчас является исключительным виртуозом».

Газеты отмечают также большие способности советского пианиста Е. Малинина. Газета «Фигаро» пишет, что игра Малинина «это — очарование и тонкость. Он бесподобно сыграл концерт Рахманинова для фортепиано с оркестром. Толпа несла победителя конкурса до самой машины». Другие газеты также подчеркивают успешное выступление Е. Малинина.

В то же время парижская печать выражает возмущение несправедливым решением жюри, устранившим от участия в финальном туре конкурса некоторых пианистов, в том числе советского пианиста С. Нейгауза.

Как уже сообщалось, жюри конкурса пианистов решило никому не присуждать первой премии. В знак протеста против этого решения Маргарита Лонг и Жак Тибо покинули зал. При объявлении этого решения в зале разразилась буря протеста. Жак Тибо заявил корреспонденту газеты «Юманите»: «Конкурс, подобный нашему, является музыкальным соревнованием, к которому не должна примешиваться политика; победителем должен быть лучший, кто бы он ни был».

В связи с этим «Юманите» пишет: «Был один бесспорный лауреат — Е. Малинин, но ему отказали в первой премии. Создается впечатление, что жюри все сделало для того, чтобы две первые премии не были даны двум советским музыкантам. Именно в этом и заключается наихудшая политика».

Письмо в редакцию

В связи с фельетоном «Усыпление без гипноза», помещенным в газете «Советское искусство» от 11 апреля, считаю необходимым сообщить следующее.

Я согласен с автором фельетона, что краткосрочные договоры с отдельными филармониями в случае, если это становится системой, могут способствовать проникновению на эстраду халтуры и низкохудожественного репертуара, и с этой стороны газета правильно сигнализировала об имеющейся опасности.

Однако не следует, на мой взгляд, ставить знак равенства между теми актерами, которые реально воспользовались известной бесконтрольностью (которая может возникнуть при данной системе) для протаскивания на эстраду бездарного репертуара, с той частью актеров, которые, следуя тому же принципу в организации своих выступлений, не снижают ни качества исполнения, ни качества своего репертуара.

К этим последним смею отнести и себя. Те обстоятельство, что я не состою в штате какой-либо филармонии, а работаю по договорам от различных филармоний (кстати, почти всегда с санкции Управления музыкальных учреждений), никогда не освобождало меня от ответственности за качество работы и не толкало на протаскивание на эстраду низкопробного материала. Я старался всегда сохранить должную требовательность к себе, глубокое уважение к советскому зрителю, в памяти великого поэта нашего времени — В. В. Маяковского, произведения которого в огромном количестве являются моим репертуаром.

При чтении фельетона может составиться иное впечатление. Надо полагать, что это произошло не из умышленного желания опорочить мою артистическую деятельность, а потому, я думаю, во имя восстановления истины вы опубликуете это письмо.

А. РЯСНИЦЕВ.

МОСКВА. 22.VI.53 г.

ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ

Окончание. Начало см. на 3-й стр.

бе). Что же это за день нынче такой! (Никитиной). Люблю, Надежда Сергеевна. Очень люблю. Да и кто же его у нас не любит?

Никитина (пристально смотрит на нее с укором). Я не о такой любви говорю, Мария Тимофеевна. И вы, конечно, понимаете. Зачем же...

Мария (спохватившись, порывисто). Простите, Надежда Сергеевна! Просто... у меня сегодня день какой-то... Перенасыщенный всякими неожиданностями... Нет, Надежда Сергеевна, я не люблю Алексея Федоровича вот... такой любовью... о какой говорите вы... Но он замечательный человек. В последнее время мы подружили с ним. К этой дружбе мне хотелось бы присоединить и дружбу с вами. Он так хорошо всегда говорит о вас... И тогда не было бы вот... этого... не было бы оснований...

Никитина (доверчиво улыбаясь). Да вы не стесняйтесь, Мария Тимофеевна! Я ведь затем и пришла. Когда все ясно, даже горе переживать легче.

Мария (сердясь на себя, решительно). Ну, да! Тогда вы знали бы, что ревновать его ко мне нет никаких оснований.

Никитина (улыбаясь, все с тем же чувством внутреннего облегчения и растущей симпатии к Марии). Ревность слепа, Мария Тимофеевна. Она может замучить и без всяких оснований. Но я хочу, чтобы вы правильно меня поняли. Не это чувство привело меня к вам. Ревность... Это — когда не доверяют друг другу...

Мария (встрепенувшись). Как? Как вы сказали?

Никитина. Я говорю, что ревнуют в тех случаях, когда нет доверия к любимому. А я верю Алексею. Он не способен... просто органически ему чужда ложь, обман... Я все знаю о нем. И о вашей дружбе тоже. Я пришла к вам не из-за ревности, я... (Остановилась, смотрит куда-то вдаль, мимо Марии).

Мария (теперь она улыбается). Вот видите, Надежда Сергеевна, как трудно быть откровенным до конца в этих делах. Но, раз уж мы начали, надо говорить. Не договаривать теперь нельзя.

Никитина. Да, трудно. Трудно потому, что мы не привыкли разбираться в таких вот... тонких вещах. А если и говорим о них иногда, то все как-то на ходу... как вот сейчас. А человек-то—он сложное явление. Не поймешь правильно — отравишь жизнь и себе, и другим. Значит, человек сам и должен выверять себя: не погрешил ли он против законов, по которым живет общество, народ? Стало быть, надо почаще заглядывать и к себе в душу, и ближних, товарищей.

Мария. Как странно... Вы так говорите, Надежда Сергеевна, как будто подслушали мои мысли. Вот сейчас... перед вашим приходом и как раз об этом думала.

Никитина (просто). Я очень рада. Значит, мы действительно будем дружить. А привело меня к вам, Мария Тимофеевна, опасение. И вот чем вызванное... (Помолчала). Алексей — он своеобразный человек. Значит, поклонник красоты всякой. Ну и... женской тоже. Когда он видит по-настоящему красивую женщину, он готов поклониться ей до земли... Но (рассмеялась) когда-нибудь я вам расскажу несколько случаев... что он находил под внешней красивой оболочкой... А в этот раз... вы...—это другое. В данном случае мы могли стать все несчастными. Он ведь не смог бы оставить меня и детей. Он любит нас. Он стал бы бороться с собой... Но во что же превратилась бы жизнь—его, ваша, моя... Детей наших? Так вот... Я должна была посмотреть опасности прямо в глаза... И если бы несчастье случилось, подготовить себя к нему. У меня — дети. И вы не должны осуждать меня, Мария Тимофеевна...

Мария. Если бы я... Да-да... Кажется, я и вправду дала повод... Если бы я знала, что вы... что вам...

Никитина (протестующе). До сих пор наша дружба с Алексеем не была не только неприятна мне... Наоборот, он с восхищением говорил о вас... Беседы с вами переносились к нам в дом, мы продолжали их... все было чудесно. Но вот вчера... Он встретил вас в цирке. Признался, что больше смотрел на вас, чем на манеж... Потом — вспышка нежности ко мне... Ну... тут всякие оттенки — их трудно передать. Одним словом, у меня защемило сердце. И впервые я поняла: если она, то есть вы, его любите, то Алексей зайдет далеко. Ну, а теперь (Встала. Одновременно поднялась и Мария)... опасения позади. И вы еще раз извините меня, Мария Тимофеевна!

Мария (протягивая обе руки, весело, облегченно). Это очень хорошо, Надежда Сергеевна. Очень хорошо, что вы пришли ко мне.

Андрей еще в то время, когда женщины разговаривали сидя, вошел в калитку и остановился пораженный, увидев вместе Марию и Никитину. В момент, когда Никитина поднялась, он невольно рванулся назад и скрылся за калиткой. Мария, проводив Никитину, идет вдоль забора, видит издали шагающего по улице Андрея.

Мария (остановилась. Зовет). Андрей... Андрюша, подойди.

Андрей (подойдя к забору). Вы что-нибудь хотите сказать, Мария Тимофеевна?

Мария. «Вы»? «Мария Тимофеевна»? Подойди ближе, ну... (Андрей делает шаг). Еще, еще, совсем близко (Андрей становится рядом. Их отделяет низкая изгородь). Вот так... Теперь хорошо. (Берет в свои руки его большую ладонь). Какая огромная!.. И мозоли. (Молчат).

Андрей (борется с собой. Сдержанно). Да, для того, чтобы орудовать пинцетом, нужны другие руки...

Мария (склоняет к нему лицо). У меня на руках тоже мозоли. Ты просто не чувствуешь... (Вдруг обвивает его шею руками, целует в губы).

Андрей (ошарашен. Стоит секунду с закрытыми глазами... Тихо). Ты?.. Маша!.. (Громко, ликуя). Ах, ду-у-рак! (В мог перемахивает через забор, Мария успела уже отбежать, села на скамью, прикрыв лицо шалью, Андрей с размаху падает на колени. Обхватив ее колени, бессвязно шепчет). Какая ты, Маша... Вот какая ты... Да что же я... Конечно, дурак! (Встал, скинул с нее шаль. Молча смотрит ей в глаза. Порывисто прижимает к себе, целует. Отрывает ее от себя, опять смотрит в глаза). Маша! Машенька! Моя ты... (Легко хватает ее на руки и так, держа на руках, ходит взад и вперед по аллее). Чтобы я тебя с этой минуты оставил одну? Ни за что! Я теперь, брат, без тебя не человек. А с тобой, брат...

Мария (со смехом). А ты, сестра, отдохни. Сядь. Устал ведь.

Андрей. С тобой я самый сильный! Нет сильнее меня теперь, Маша.

Мария. А зверь-то сидит в тебе, Андрюша. Как ты мог подумать... Мне мама все рассказала.

Андрей. Ради бога... Не надо!.. (Сел на скамью. Удерживает ее у себя на коленях). Не надо. (Закрывает ей рот поцелуем). Так стыдно! Давай помолчим. Душа требует. Видно, хочет очиститься от накипи всякой. (Долгая пауза). Вот чувствую, всем своим существом чувствую, как пронизывает меня что-то такое... Не ощущал никогда. Что-то такое... Понимаешь? Словом, другой я стал, Маша!

Мария. И я чувствую... Уж такое в жизни больше не повторится.

Андрей. Что ты, Маша!..

Слышатся звуки рояля. Андрей тихим голосом подхватил мелодию. Затем негромко, но проникновенно поют в два голоса.

Мария. А ты хочешь, чтобы я все о себе сказала? Хочешь?

Андрей. Ты уже сказала.

Мария. Когда?

Андрей. Только что.

Мария. Машка-медведь, ты мой! (Целуются).

Слышны приближающиеся голоса Тимофея Николаевича, Енотова, Шведа.

Андрей. Уйдем, Маша. Не хочется сегодня спорить, шуметь... Я тишину хочу слушать. Уйдем, моя Маша. (Встал со скамьи, увлекает ее к калитке. Уходят по дороге).

Показываются Енотов, Тимофей Николаевич, Швед, который подмышкой одной руки держит папку с рукописями, а в другой руке—сумка с бутылками.

Швед (выставляя на стол бутылки, продолжает ранее начатый разговор). Название? Было бы призвание, а название придет. Что? Ну, предположим, назову просто так, по-бытовому, ну... скажем, «Семья Ружейных». Ничего? А могу, знаете, очень так, сильно могу окрестить. Например...

Из дома появляются Виктор, Катя, провожающая их Агафья Степановна.

Тимофей Николаевич (подходит к Кате). А-а, руса-коса, дева-краса, по мне заскучала! (По-отечески хлопает ее по плечу).

Катя. Если бы, как прежде... ни за что не зашла.

Агафья Степановна. А ты, конечно, к Пашке Братюку успел забежать. Дома-то не сидится.

Тимофей Николаевич (Агафье Степановне). Да другой раз, Агашенька-мамашенька, одному и у бутылки даже неспоро. (Кате). Да, тяжело Витьке, верно. Да и то верно: не все в ус, ино и в рыло. Суетностью себя извратил. Себялюбием. Ломай его, дьявола, покуда не поздно. (Отходит к столу).

Швед. Да. Так вот, например (театральный жест в сторону Виктора). Могу, знаете, так возмущенно окрестить... Например, «Сын эпохи». Что?.. Хо-хо-хо!.. Ничего. Хо-хо-хо!.. Претенциозно, скажите? (Задохнулся, кашляет). Кх... (Поздоровавшись с Виктором, Катей, Агафьей Степановной, отсчитывает горошки) пять... девять... (Глотает).

Агафья Степановна. «Табакум»?

Швед (прячa коробочку с горошками). Нет, противоалкогольные это. А «табакум» растерял.

Енотов (Виктору). Еле отыскал его. Забрались с Тимофеем Николаевичем к Павлу Братюку.

Швед (взглянув на часы). Простите, опоздание на пятнадцать минут в счет не идет. Прошу садиться, кому как удобно.

Енотов. Положим, не пятнадцать, а час пятнадцать...

Швед. Какая разница? Что означает час пятнадцать в сравнении с вечностью? Прошу, рассаживайтесь.

Все садятся. Виктор еще раньше сел поодаль. Тимофей Николаевич подсел к столу, где стружины бутылки. Садится и Швед. Табурет хрустнул, жалобно заскрипел под его тучной фигурой.

Швед. Прежде чем перейти к чтению отрывков из моей новой пьесы, я позволю себе сделать преамбулу...

Тимофей Николаевич. Как?

Швед. Преамбула.

Тимофей Николаевич (смеется). Ты смотри! На другом языке, а все едино. (Наливает вино в бокалы). Правильный я перевод сделал.

Швед. Я другое хотел сказать. Хотя... (пьет крохотными глотками). Прежде я должен объяснить предмет. Кх-кх-кх... Великий критик говорил: драма—это ошибка характеров. Что? Да, ошибка характеров. Что, так сказать, и представляет собою конфликт. Что? Да, конфликт. Надобно помнить, что такое понимание драмы относится ко времени оно. А сейчас? Хотел бы я видеть великого критика в своем положении. Ошибка характеров!.. Конфликт!.. Хорошо ему было так говорить, когда действительно отношения между людьми носили классовый, антагонистический характер. Что? Да, антагонистический характер. Кх-кх-кх... Хотел бы я видеть великого критика сегодня, вот здесь, в рабочей дружной семье, среди добрых, хороших людей. Какая тут может быть ошибка? И вообще я хочу его спросить, с кем мне конфликтовать, когда вокруг одно доброе, хорошее? С вором что ли, который по пути сюда из Москвы украл мой чемодан? Но и вор, он необычный. Нука, вдумайтесь, какой вор украл чемодан? Не знаете? Хо-хо-хо!.. Вор-то советский! Хо-хо-хо!..

Тимофей Николаевич. Драма тут, конечно, какая драма! А положение — это вот другое дело. Положение — пиковое. Вы целый месяц в одной сорочке ходите, а он, сукин сын, разделся в ваши штаны, поди, как молодой ангел.

Швед. Ерунда. Мелкое недоразумение. Там, собственно, в чемодане (делает жест)... ерунда. Вот я и говорю... В современной жизни нет подлинных конфликтов, а есть цепь мелких недоразумений. Кх-кх-кх... Итак, зачитаю краткое слово от автора. (Принял торжественную позу, читает). «Нам нужна сталь. Нам нужно много стали. И в этой пьесе пойдет речь о том, как одно предприятие борется без ввода новых мощностей за два плана. Причем выпускает оно только легированную сталь. По инициативе секретаря партбюро мартеновского цеха...».

Енотов (скромничая). По инициативе коммунистов.

Швед. Хорошо. «...весь узел пошел в наступление. То есть, чтобы поднять доменный цех, надо было улучшить качество сырья, лучше обогащать руду, повысить давление газа, совершенствовать применение дутья, постоянной влажности, в кладке доменных печей использовать новые высокоупорные материалы. Мартеновцам надо было применить также новый огнеупорный материал...».

Тимофей Николаевич (внимательно слушает, вытянув шею). Дивно.

Швед. Так точно. (Оглядывается на стол, находит свою рюмку. Пьет). «Увеличить тепловой режим печи путем усовершенствования конструкции головок, упорядочить разливку. Прокатчикам предстояло увеличить мощность блюминга, обновить электрооборудование, ввести автоматизацию. Качество готовой стали определяется совокупностью ряда показателей. Вопрос качества стали—колоссальный вопрос. Представьте: конструктор хочет ускорить скорость самолета, энергетик повышает мощность агрегата и так далее и тому подобное. Для этого нужна особая сталь. Такую особую сталь и варят на предприятии, о котором идет речь в данном произведении. И варят ее скоростным способом, в одну рабочую смену».

Виктор (все это время, казалось, не слышавший ни разговоров, ни чтения, вдруг вскочил). Послушайте, откуда вы все это взяли?

Швед. Я пользовался вашей книгой, Виктор Тимофеевич, но, разумеется, больше пользовался новой технологической инструкцией. Итак (читает): «Весь этот сложнейший процесс перестройки работы сложнейшего гиганта индустрии в лице раскрывается на примере выдающейся семьи «Ружьевых» — отца и сына».

Тимофей Николаевич. И святого духа.

Швед. ...и приятеля их, такого же изобретательного мастера сталеварения Андрея Оленева...

Виктор (это уже не элегантный молодой красавец с затуманенным взором, певучим голосом, легкой неслышной походкой. К столу, тяжело передвигая ноги и тяжко дыша, подошел человек с растрепанным чубом, с глазами, налитыми кровью, и что есть мочи хватил по столу кулаком. Запрыгали бутылки, стаканы, посыпались шахматные фигуры. Не сказал, а прохрипел). К черту!.. Убирайтесь к чертям! С кем конфликтовать? А? (Шведу). Ты, ты... к чертям собачьим!..

Некоторое время — немая сцена. Швед, инстинктивно выставив перед лицом обе ладони с коротенькими пальцами, застыл в этой позе. Агафья Степановна почти с испугом шевелит губами, смотрит на сына с укором, думала что-то сказать, махнула рукой и пошла в дом. Енотов, как только вышел из состояния шока, делает примирительную мину, хочет было в недоумении развести руками и молча уходит. Быстро поняли и чем дело лишь двое: Катя и Тимофей Николаевич. Катя, восторженно смотрит на Виктора, который, налив стакан вина, выпивает его залпом, подходит к нему и обнимает его за талию.

Тимофей Николаевич (довольно). Ехали мы, ехали... (Тормошa насмерть перепугавшегося Шведа). Послушай... как тебя... (трет пальцем лоб) память отшибло. Послушай, Турок, что ли? Или да, Швед... Послушай, писатель!.. Вставай! Приехали...

Занавес.

Главный редактор С. Б. СУТОЦКИЙ.
Редакционная коллегия: В. С. ВАСИЛЕВСКИЙ (зам. главного редактора), В. Н. ВЛАСОВ, Н. Н. ЖУКОВ, А. А. ИКОННИКОВ, В. Я. РУСАКОВ, М. Н. СМИРНОВА, К. И. ТРАПЕЗНИКОВ.

«Советское искусство» выходит по средам и субботам. Адрес редакции и издательства: Москва, 1-я Мещанская ул., д. № 5. Телефоны: секретариат редакции Б 1-37-44; отдел информации Б 8-70-52; иностранный отдел К 4-15-66; отдел театра и драматургии Б 8-31-13; отдел музыки Б 8-73-26; отдел кино К 5-18-70; отдел архитектуры Б 8-00-80; отдел корреспондентской сети К 4-04-63; отдел изобразительных искусств Б 8-66-21; отдел оформления Б 8-73-78; отдел писем К 5-45-12; библиотека Б 1-31-06; секретариат издательства Б 8-61-65; бухгалтерия К 4-15-70.

Б02632. Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7. Зак. № 1774.